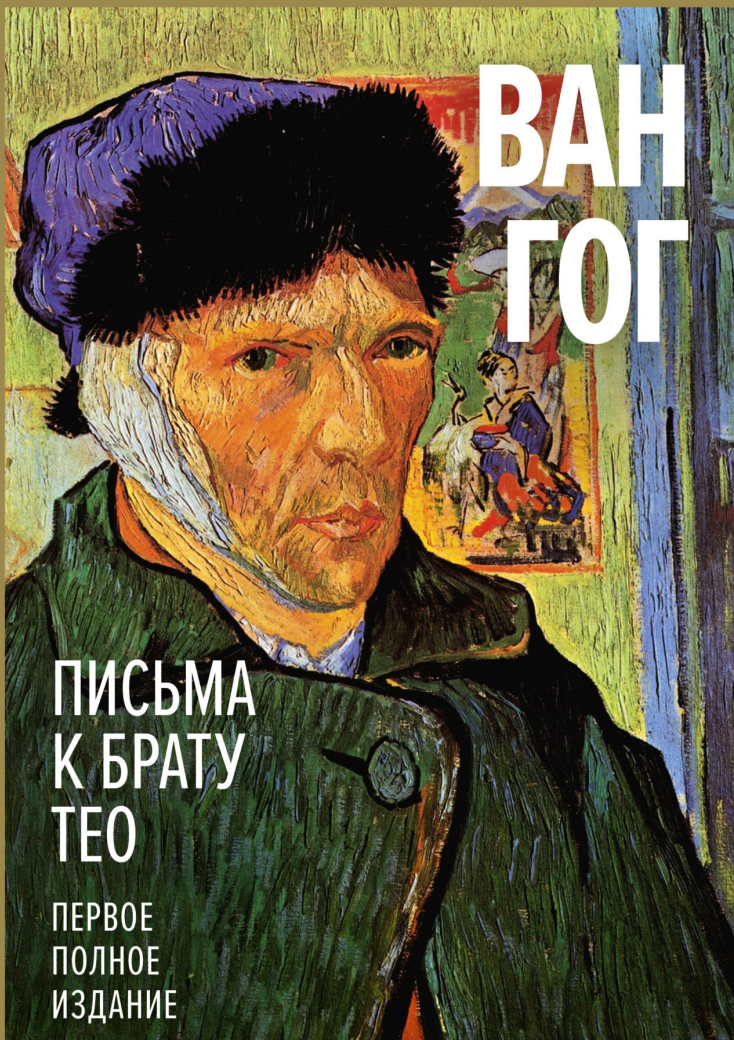

ВАН ГОГ

ПИСЬМА К БРАТУ ТЕО

ПЕРВОЕ
ПОЛНОЕ
ИЗДАНИЕ

Винсент Виллем Ван Гог

Письма к брату Тео.

Первое полное издание

Серия «Наследие эпох»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170265
Письма к брату Тео: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-152982-6

Аннотация

Винсент Ван Гог – великий нидерландский художник-постимпрессионист, оказавший огромное влияние на живопись XX века. За свою короткую жизнь Ван Гог создал более двух тысяч произведений – портреты, автопортреты, пейзажи, натюрморты, панно. Его судьба полна загадок, а творчество не одно десятилетие занимает умы людей – исследователей, художников и ценителей искусства.

Каким же он был на самом деле? Как жил и о чем размышлял? Почему выбрал путь живописца? Где искал вдохновение?

На эти и многие другие вопросы отвечает сам Ван Гог в письмах к брату Тео. Эти письма, ставшие жемчужиной эпистолярного жанра, до глубины души потрясают своей искренностью. За сто с лишним лет они стали не менее популярны, чем знаменитые картины художника, и были

переведены на все европейские языки. Мудрые, пронзительные, глубокие слова Ван Гога, адресованные брату, заставляют задуматься о жизни и попытаться понять, каким видел мир человек, создавший столь красочные и яркие картины.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Голландский период	6
Гаага. Август 1872 – май 1873	6
Лондон. Июнь 1873 – май 1875	9
Париж. Май 1875 – март 1876	14
Рамсгейт и Айлворт. Апрель 1876 – декабрь 1876	24
Дордрехт. Январь 1877 – апрель 1877	41
Амстердам. Май 1877 – июль 1878	46
Эттен и Брюссель. Июль 1878 – ноябрь 1878	59
Боринаж. Ноябрь 1878 – октябрь 1880	67
Брюссель. Октябрь 1880 – апрель 1881	97
Эттен. Апрель 1881 – декабрь 1881	103
Конец ознакомительного фрагмента.	113
Комментарии	

Винсент Ван Гог

Письма к брату Тео

© П.В. Мелкова (наследники), перевод, 2023

© Издательство АСТ, 2023

Голландский период

Гаага. Август 1872 – май 1873

Винсент Виллем Ван Гог родился 30 марта 1853 г. в Гро-от Зюндерте (Северный Брабант) в семье пастора Теодора Ван Гога (1822–1885).

Скитания и мытарства будущего художника начались 30 июля 1869 г., когда шестнадцатилетний Винсент поступил младшим продавцом в гаагский художественный салон – филиал парижской фирмы Гупиль и К°. Отсюда в 1872 г. Винсент пишет первые письма своему младшему брату Тео, который еще живет с семьей и учится в школе.

Решение определить Винсента, а вслед за ним и Тео (Теодора Ван Гога – младшего, 1857–1891) в торговлю художественными произведениями укрепилось в семье под влиянием дядей: Хендрика Винсента (дядя Хейн), Винсента (дядя Сент, или, как он иногда упоминается в письмах, дядя С.), компаньона фирмы «Гупиль и К°», и Корнелиса Маринюса (дядя Кор, или, как он часто называется в письмах, К. М.). Все три дяди были торговцами картинами и эстампами.

2. Гаага, 13 декабря 1872

Хорошую новость прочел я в папином письме. От всего

сердца желаю тебе счастья.

Не сомневаюсь, что тебя ждет много радостей: это ведь такое замечательное дело¹.

Для тебя все это означает большую перемену.

Меня очень радует, что мы с тобой работаем в одной и той же отрасли и занимаемся одним и тем же делом; теперь мы должны почаще писать друг другу.

Очень надеюсь, что увижусь с тобой до твоего отъезда: нам еще о многом нужно поговорить.

По-моему, Брюссель очень приятный город, но поначалу он покажется тебе чужим.

Во всяком случае сразу же по приезде напиши мне.

Итак, всего хорошего. Я очень спешил и написал лишь несколько слов, но я должен был сразу же сказать тебе, что эта новость доставила мне большую радость.

Желаю счастья.

5. Гаага, 17 марта 1873

Ты уже, конечно, слышал, что я еду в Лондон и, видимо, скоро. Очень надеюсь, что мы до этого еще раз увидимся...

В Лондоне для меня начнется совсем иная жизнь: мне, наверно, придется жить одному в меблированной комнате и, таким образом, самому заботиться о многом таком, о чем

---

¹ Было решено, что Тео тоже займется торговлей картинами и с нового года поступит в фирму Гупиля в Брюсселе, главой которой прежде был дядя Тео Хейн, а теперь господин Шмидт.

сейчас мне не приходится думать. Как ты можешь себе представить, мне очень хочется познакомиться с Лондоном, и все же очень жаль уезжать отсюда; теперь, когда решено, что я должен ехать, я впервые понял, как привязан к Гааге. Но тут уж ничего не поделаешь, и я не намерен принимать все это слишком близко к сердцу.

Для моего английского языка это, во всяком случае, будет очень полезно: понимаю я по-английски хорошо, но говорю далеко не так, как мне бы хотелось...

После воскресенья я провел две недели в Амстердаме, чтобы посмотреть выставку картин, которые отправляют отсюда в Вену. Выставка очень интересная, и мне крайне любопытно, какое впечатление произведут голландцы на венцев.

Меня очень интересуют английские художники: мы так мало их видим – их картины почти всегда остаются в Англии.

Лондон. Июнь 1873 – май 1875

В мае 1873 г. Винсент был переведен из Гааги в лондонский филиал фирмы. Здесь, в Лондоне, Ван Гог переживает первую любовь и первое разочарование (дочь квартирной хозяйки, в которую Винсент был влюблен, была уже тайно обручена). В подавленном состоянии проводит он дома свой отпуск (июль 1874 г.). С этих пор он ведет замкнутый образ жизни и начинает проявлять болезненный интерес к религии, что в значительной мере было предопределено воспитанием Винсента в семье сельского пастора. Дядя Сент, желая исправить положение, добивается в октябре 1874 г. временного перевода Винсента в Париж. Январь – первую половину мая 1875 г. Винсент снова проводит в Лондоне.

13. Лондон, январь 1874

Из твоего письма я понял, что ты всем сердцем привязан к искусству, и это очень хорошо, мой мальчик. Я очень рад, что ты любишь Милле, Жака, Шрейера, Ламбине, Франса Хальса и т. д.; недаром Мауве говорит: «Это – настоящее».

Да, картина Милле «Вечерняя молитва» – это настоящее, это богатство, это поэзия. Как бы мне хотелось снова поговорить с тобой об искусстве! Хорошо, что мы, по крайней мере, можем часто писать обо всем этом друг другу. Ищи только прекрасное, ищи в полную меру своих сил: большин-

ство редко находит прекрасное.

Привожу имена некоторых художников, которых я особенно ценю. Шеффер, Деларош, Гебер, Гамон, Лейс, Тиссо, Лажи, Боутон, Миллес, Тейс Марис, де Гру, де Браке-лер-младший, Милле, Жюль Бретон, Фейен-Перрен, Эжен Фейен, Брион, Юндт, Георг Сааль, Израэльс, Анкер, Кнаус, Вотье, Журдан, Конт-Кали, Рохюссен, Мейссонье, Мадраццо, Зиём, Буден, Жером, Фромантен, Декан, Боннингтон, Диаз, Т. Руссо, Тройон, Дюпре, Коро, Поль Гюэ, Жак, Отто Вебер, Добиньи, Бернье, Эмиль Бретон, Шеню, Сезар де Кок, м-ль Коллар, Бодмер, Куккук, Схелфхоут, Вейсенбрух и последние по счету, но не по значению – Марис и Мауве.

Я мог бы продолжать список бог знает как долго. А затем еще пойдут старики, и, кроме того, я уверен, что пропустил многих из лучших современных художников.

Как и прежде, старайся побольше гулять и люби природу – это настоящий способ научиться глубже понимать искусство.

Художники понимают природу, любят ее и *учат нас видеть*. А есть и такие художники, которые делают только хорошее и просто не могут делать плохо, подобно тому как бывают обыкновенные люди, у которых, что бы они ни делали, все выходит хорошо.

Мне здесь хорошо: у меня отличное жилье, и я с большим удовольствием изучаю Лондон, английский образ жизни и самих англичан; кроме того, у меня еще есть природа, искус-

ство и поэзия, а уж если этого мало, то чего же мне еще надо?

И все-таки я не забываю Голландию – особенно Гаагу и Брабант.

21. Лондон, 10 августа 1874

«Вы судите по плоти; я не сужу никого».

«Кто из вас без греха, первый брось в нее камень».

Крепко держись своих взглядов, а если сомневаешься в их правильности, проверь их, сравнив с мыслями того, кто осмелился сказать: «Я – истина», или иного гуманного человека, например Мишле: «Невинность души и порочность тела могут уживаться в одном человеке». Ты знаешь «Маргариту у фонтана» Ари Шеффера. Есть ли более чистое существо, чем эта девушка, «которая столь сильно возлюбила»?

«Лейс не подражатель, а работает в том же духе», – верные слова, которые меня тоже поразили.

То же самое можно сказать о некоторых картинах Тиссо, о его «Прогулке по снегу», «Прогулке по городским валам», «Маргарите в церкви» и т. д.

Купи на деньги, которые получил от меня, «Прогулки по моему саду» Альфонса Карра, купи обязательно: я хочу, чтобы ты это прочел.

Мы с А.² каждый вечер ходим гулять. Уже начинается осень, и это делает природу еще интимнее и серьезнее.

---

² Анна, сестра Винсента.

26 Лондон, 8 мая 1875

Как больная³? От отца я слышал, что она больна, но не знал, что так сильно, как ты пишешь.

Ответь мне как можно быстрее.

Да, мой мальчик, здесь были К. М. и господин Терстех, в прошлую субботу они уехали обратно. Они, по-моему, слишком уж усердно посещали Кристалл-палас и прочие места, где им нечего было делать. Могли бы, я полагаю, разок зайти и ко мне, посмотреть, как я живу. Я надеюсь и верю, что я совсем не такой, каким на первый взгляд кажусь многим; дайте срок, и nous verrons⁴.

Вероятно, через несколько лет то же самое скажут о тебе – по крайней мере, если ты останешься тем, что ты есть – моим братом в полном смысле этого слова.

Жму руку. Передай мой привет больной.

«Чтобы жить и трудиться для человечества, надо умереть для себя. У народа, который стал носителем религиозной идеи, есть только одно отечество – эта идея.

Человек приходит в мир не для того, чтобы прожить жизнь счастливо, даже не для того, чтобы прожить ее честно. Он приходит в мир для того, чтобы создать нечто великое для всего общества, для того, чтобы достичь душевной высоты и подняться над пошлостью существования почти всех

---

³ Племянница Винсента и Тео Аннет Ганебек, которая вскоре умерла.

⁴ Мы увидим (*франц.*).

своих собратьев»⁵.

---

⁵ Э. Ренан.

Париж. Май 1875 – март 1876

В середине мая 1875 г. Винсент против своего желания был снова переведен в Париж. Работа в художественном салоне постепенно все более претит ему. 1 апреля 1876 г. Винсент навсегда расстается с фирмой Гупиль и К°.

27. Париж, 31 мая 1875

Вчера смотрел выставку Коро, в частности его картину «Гефсиманский сад». Я рад, что он написал ее. Справа группа темных оливковых деревьев на фоне сумеречного синего неба; на заднем плане поросшие кустарником холмы и два-три больших обвитых плющом дерева, над ними вечерняя звезда.

В Салоне три очень красивых Коро. С самого красивого из них, написанного незадолго до его смерти, «Женщины-дровосеки», сделана гравюра на дереве; она, вероятно, будет напечатана в *Illustration* или *Monde illustré*.

Как ты понимаешь, я побывал также в Лувре и Люксембургском музее.

В Лувре великолепные Рейсдали, особенно «Куст», «Плотина» и «Луч солнца».

Мне хочется, чтобы ты когда-нибудь посмотрел там маленьких Рембрандтов – «Апостолов в Эммаусе» и двух парных «Философов».

29. Париж, 29 июня 1875

Здесь была распродажа рисунков Милле. Не знаю, писал ли я тебе об этом. Когда я вошел в зал отеля Друо^[1], где они были выставлены, меня охватило примерно такое чувство. сними башмаки с ног своих, ибо место, где ты стоишь, — святая земля.

30. Париж, 6 июля 1875

Я снял комнатку на Монмартре, она бы тебе понравилась. Она невелика, но выходит в садик, заросший плющом и диким виноградом. Хочу рассказать тебе, какие гравюры висят у меня на стене:

Рейсдаль. «Куст»

Он же. «Белильни холста»

Рембрандт. «Чтение Библии» (Вечер, большая комната в старом голландском доме, на столе свеча; молодая мать у колыбели младенца читает Библию, старуха сидит и слушает.) Такая вещь наводит на мысль: «Истинно говорю вам, где двое или трое собраны во имя мое, там я посреди них». Это превосходная старинная гравюра на меди, такого же размера, как «Куст».

Филипп де Шампень. «Портрет дамы»

Коро. «Вечер»

Он же. То же самое

Бодмер. «Фонтенбло»

Боннингтон. «Дорога»

Тройон. «Утро»

Жюль Дюпре. «Вечер»

Марис. «Прачка»

Он же. «Крещение»

Милле. «Часы дня» (Гравюры на дереве, четыре листа)

Ван дер Маатен. «Похороны в хлебах»

Добиньи. «Заря» (Поющий петух)

Шарле. «Гостеприимство» (Ферма, окруженная соснами,
зима, снег; крестьянин и солдат у дверей)

Эд. Фрер. «Швей»

Он же. «Бочар»

33. Париж, 13 августа 1875

В списке того, что висит в моей комнате, я пропустил:

Н. Маас. «Рождество господне»

Рамон. «Если бы я был угрюмой зимой»

Франсе. «Последние теплые дни»

Рюиперез. «Подражание Христу»

Босбоом. «Будем петь псалмы»

38. Париж, 17 сентября 1875

Чувство, даже тонкое чувство природы и ее красоты, есть нечто совершенно иное, нежели религиозное чувство, хотя, по-моему, оба они тесно связаны между собой.

Природу чувствует почти каждый, один меньше, другой

больше; но очень немногие чувствуют, что бог есть дух, и поклоняющиеся ему должны поклоняться в духе и истине.

42. Париж, 11 октября 1875

Благодарю за твое письмо, полученное сегодня утром. На этот раз напишу тебе так, как не часто делаю это; иными словами, сообщу тебе подробно, как я здесь живу.

Как тебе известно, я поселился на Монмартре. Здесь живет также молодой англичанин, восемнадцати лет, служащий фирмы, сын торговца картинами из Лондона; по всей вероятности, он позднее станет компаньоном отца. Он еще никогда не уезжал из дому и, особенно в первые недели, был ужасно неотесан: например, утром, в обед и вечером съедал на 4—6 су хлеба (кстати, хлеб здесь дешев) и к этому добавлял еще по несколько фунтов яблок, груш и пр. Несмотря на все это, он тощ, как палка; у него два ряда крепких зубов, толстые красные губы, сверкающие глаза, большие, обычно красные, оттопыренные уши, наголо остриженная голова (при черных-то волосах) и т. д. и т. д.

Уверяю тебя, это совершенно иное создание, чем «Дама» Филиппа де Шампеня.

Над этим молодым человеком все, поначалу даже я, много смеялись. Но постепенно я начал относиться к нему лучше и теперь очень рад, что провожу вечера в его обществе.

У него по-детски чистое сердце, и он очень энергично работает в фирме. Каждый вечер мы вместе отправляемся до-

мой, закусываем чем-нибудь у меня в комнате, а остаток вечера я читаю вслух, большей частью из Библии: мы намерены прочесть ее целиком. Утром, обычно между пятью и шестью, он заходит и будит меня; мы завтракаем у меня в комнате и около восьми часов отправляемся на службу.

В последнее время он начинает понемногу ограничивать себя в еде и стал собирать гравюры, в чем я ему и помогаю.

Вчера мы вместе ходили в Люксембургский музей, там я ему показывал картины, которые меня больше всего пленяют, и, право же, неискушенные знают много такого, чего не ведают понимающие...

На службе я делаю все, что ни придется: такова уж наша работа на всю жизнь, мой мальчик. Только бы я имел возможность делать ее, не щадя сил!

Последовал ли ты моему совету? Выброшены ли книги Ренана, Мишле и др.? Я думаю, что так ты вернее всего обрестишь покой. Страницу из Мишле по поводу женского портрета Филиппа де Шампеня ты, разумеется, не забудешь; не забывай и Ренана; тем не менее избавься от них.

«Нашел ты мед, – ешь сколько тебе потребно, чтобы не пресытиться им» – так или примерно так гласит притча.

43. Париж, 14 октября 1875

Еще одно словечко, чтобы подбодрить самого себя, а заодно и тебя.

Я посоветовал тебе выбросить свои книги и повторяю этот

совет; непременно последуй ему и обретишь покой. Однако и после этого не становись ограниченным и робким, не переставай читать то, что хорошо написано; напротив, читай — это утешение в жизни.

«Пусть помыслы ваши будут лишь о том, что истинно, честно и праведно, что чисто, благостно и любовно, что добродетельно и достохвально».

Ищи же света и свободы и *не погрязай слишком глубоко в болоте жизни.*

Как бы я хотел, чтобы ты был здесь — я бы хоть раз показал тебе Лувр и Люксембург; впрочем, я предчувствую, что со временем и ты приедешь сюда. Отец однажды написал мне: «Не забывай только об Икаре, который хотел взлететь к солнцу, но, достигнув определенной высоты, лишился крыльев и упал в море». Тебе не раз придется почувствовать, что ни ты, ни я не стали еще такими, какими надеемся стать; что нам еще далеко до отца и других; что нам еще недостает твердости, простоты, честности: простым и правдивым сразу не станешь.

И все-таки надо выстоять до конца, а значит, *прежде всего, набраться терпения: кто верит, тот не спешит.* К тому же есть разница между Икаром, желавшим взлететь к солнцу, и нами, стремящимися стать христианами.

Думаю, что сравнительно крепкое телосложение никому не мешает; заботься поэтому о своем питании, и когда испытываешь сильный голод или, вернее сказать, имеешь аппе-

тит, ешь вдоволь. Уверяю тебя, я тоже достаточно часто так делаю и, в особенности, *делал раньше*.

Особенно советую тебе налегать на хлеб, мой мальчик. «Bread is the staff of life»⁶, – говорят англичане (хотя они любят мясо и употребляют его в общем слишком много). Напиши мне опять поскорее, на этот раз и о делах житейских.

49. Париж, 13 декабря 1875

Ты, как и я, уже открыл Гейне и Уланда; но будь осторожен, мой мальчик, стихи – это довольно опасная штука: иллюзия не длится долго, не предавайся же ей...

Позднее книги Гейне и Уланда, несомненно, опять попадутся тебе под руку, и тогда ты перечтешь их с другим чувством и со спокойной душой.

50. Париж, 10 января 1876

Я еще не писал тебе с тех пор, как мы с тобой виделись: тут за это время произошло нечто такое, что не было для меня полной неожиданностью.

Встретившись снова с господином Буссо, я спросил у него, находит ли он желательным, чтобы я и в новом году оставался на службе у фирмы и нет ли у него каких-либо серьезных возражений против этого. Последний мой вопрос оказался не праздным. Буссо буквально поймал меня на слове и объявил, что первого апреля я могу поблагодарить хо-

---

⁶ Хлеб – основа жизни (англ.).

заяв за все, чему научился на службе у них, и убираться.

Когда яблоко поспело, его срывает с ветки даже легкое дуновение ветра; так же получилось и тут: я действительно делал много такого, что, в известном смысле, было неправильно, и мало что могу возразить по этому поводу. Так вот, мой мальчик, мне пока еще неясно, с чего теперь начинать; не будем, однако, терять надежду и мужество. Будь добр, дай прочесть это письмо господину Терстеху – ему следует обо всем знать; но, я думаю, будет лучше, если ты в данный момент не станешь говорить об этом ни с кем другим и сделаешь вид, будто ничего не случилось.

55. Париж, 19 февраля 1876

На днях я прочел чудесную книгу Элиот, три рассказа: «Сцены из клерикальной жизни».

Особенно взволновал меня последний рассказ – «Раскаяние Дженет». Это история городского священника, который жил среди обитателей трущоб. Его кабинет выходил на огороды, усеянные кочнами капусты, на красные крыши и дымные трубы убогих домов. На обед он обычно ел плохо сваренную баранину и водянистый картофель. Умер он, когда ему еще не было тридцати четырех лет, и во время его продолжительной болезни за ним ухаживала одна женщина, которая до этого пьянствовала, но под влиянием его наставлений и, опираясь на него, переборола себя и обрела душевный покой.

Над его гробом была прочитана глава из Писания, где говорится: «Я есмь воскресение и жизнь; верующий в меня, если и умрет, оживет».

55. Париж, 28 марта 1876

Еще несколько слов, вероятно, последних, которые я пишу тебе здесь, в Париже. В пятницу вечером я, по-видимому, уеду отсюда, чтобы в субботу утром, в то же время как на Рождество, быть дома. Вчера я видел штук шесть картин Мишеля. Как мне хотелось, чтобы ты был при этом! На картинах – песчаные дороги, сходящиеся к мельнице; человек, идущий домой через пустошь или пески; надо всем серое небо; все просто и красиво. Мне кажется, что ученики в Эммаусе видели природу так, как видел Мишель: я всегда думаю о них, когда смотрю на его картины.

Видел я также картину Жюля Дюпре, очень большую.

Все охватываемое взором пространство – черная болотная почва. На заднем плане – речка, на переднем – пруд, возле него три лошади. И в речке, и в пруде отражается гряда белых и серых облаков, за которые зашло солнце; горизонт серо-красный и пурпурный, небо нежно-голубое.

Картины эти я видел у Дюран-Рюэля^[2]; там, по франку за штуку, можно купить дюжины две гравюр с картин Милле, столько же с Мишеля и целую кучу с полотен Дюпре, Коро и других художников; это чертовски соблазнительно. Перед Милле я не устоял и купил три последние гравюры с «Ве-

черней молитвы»; при случае мой брат, разумеется, получит одну из них.

59. Эттен, 4 апреля 1876

Утром, перед отъездом из Парижа, я получил письмо от одного учителя из Рамсгейта, который предлагает мне поехать туда на месяц (без жалованья); по истечении этого срока он посмотрит, можно ли меня использовать. Можешь себе представить, как я доволен, что нашел хоть что-то. Стол и квартира у меня, во всяком случае, будут бесплатные. Вчера я был с отцом в Брюсселе; мы застали дядю Хейна в очень печальном состоянии.

В поезде мы с отцом еще долго говорили о картинах, в частности, о картинах Рембрандта в Лувре, особенно о портрете бургомистра Сикса, а еще больше о Мишеле. Нельзя ли раздобыть для папы какую-нибудь книгу о Мишеле? Если такая возможность представится, не забудь об этом. Я так рад, что еще увижу до отъезда тебя и Л. тоже.

Рамсгейт, как тебе известно, курортное местечко; в одной книжке я прочел, что там 12 000 жителей, но это и все, что мне о нем известно.

Рамсгейт и Айлворт. Апрель 1876 – декабрь 1876

После разрыва с фирмой Гупиль и К° в жизни Ван Гога наступает длительный период поисков и блужданий.

Его всегдашнее желание быть полезным людям находит в это время выход в стремлении стать учителем, а затем, под влиянием усиливающегося болезненного интереса к религиозным вопросам, проповедником. В апреле 1876 г. он с согласия родителей принимает место учителя и воспитателя в частной школе мистера Стокса в Рамсгейте в Англии. В июне школа, а вместе с ней и Винсент переезжают в Айлворт. Перерыв в занятиях он использует для посещения Лондона и Уэлина, где в это время живет его сестра Анна. С 1 июля он работает помощником проповедника в школе методистского пастора мистера Джонза.

61. Рамсгейт, 17 апреля 1876

Вчера в час дня я благополучно прибыл сюда. Одним из моих первых впечатлений было окно этой не очень большой школы, выходящее на море.

Это интернат, в нем двадцать четыре мальчика в возрасте от десяти до четырнадцати лет.

Мистер Стокс уехал на несколько дней из города, поэтому я его еще не видел, но его ждут обратно сегодня к вечеру.

Здесь есть еще один помощник учителя, молодой человек лет семнадцати.

Вчера вечером и сегодня днем мы все вместе совершили прогулку на берег моря. Прилагаю к письму веточку морских водорослей.

Дома у моря выстроены большей частью из желтого камня, как на Нассаулаан в Гааге, но они выше, и при них есть садики с кедрами и приятными темными, вечнозелеными кустами. Есть здесь и гавань, набитая всевозможными судами и защищенная каменными дамбами, по которым можно гулять. День вчера был пасмурный.

Позднее распакую свои сундуки, которые только что были, и развешу кое-какие гравюры у себя в комнате.

Теперь каникулы, и мне еще не надо давать уроки; мне не терпится познакомиться с мистером Стоксом.

Мне пора на прогулку с мальчиками. à Dieu⁷.

64. Рамсгейт, 1 мая 1876

Итак, ты спрашиваешь, чему я должен учить мальчиков.

Прежде всего, начаткам французского – ведь кое-кто из них начинал с немецкого; кроме того, придется заниматься разными вещами, например, учить арифметике, проверять уроки, делать диктанты и т. д. Пока что мне совсем не трудно – задавать уроки дело нехитрое; добиться того, чтобы мальчики их учили, будет куда труднее.

---

⁷ До свидания (*франц.*).

Сегодня твой день рождения. Мысленно жму твою руку и от души снова желаю тебе успехов и всего самого лучшего. Конечно, после уроков я должен еще присматривать за мальчиками; поэтому я занят довольно много, а буду еще больше.

В прошлую субботу вечером я вымыл с полдюжины молодых людей; это я сделал скорее не по обязанности, а по собственной охоте и потому что нужно было, чтобы мы вовремя со всем управились.

Пробую также приохотить их к чтению; у меня с собой есть всякая всячина, которая им подходит, – «The wide, wide world»⁸ и тому подобное.

66. Рамсгейт, 12 мая 1876

Как сильно простые люди в больших городах тянутся к религии! На каждой фабрике, в каждой мастерской так мало работников, юность которых была интересной, красивой, чистой! Городская жизнь отнимает у человека «the early dew of morning»⁹, но не может, однако, подавить в нем потребность в «the old, old story»¹⁰: сердце всегда остается сердцем. Элиот в одной из своих книг описывает жизнь фабричных рабочих и т. д., которые объединились в небольшую общину и совершали богослужения в одной часовне в Лантерн-ярд, и она называет это «ни больше и ни меньше как Царством

---

⁸ «Широкий, широкий мир» (англ.).

⁹ Раннюю утреннюю росу (англ.).

¹⁰ Старой, старой истории (англ.).

Божиим на земле».

Есть что-то трогательное в том, как тысячи людей устремляются послушать проповедников.

67. Рамсгейт, 31 мая 1876

Писал ли я уже тебе о шторме, который недавно видел? Море было желтоватым, особенно у берега; над горизонтом висела полоса света, а над нею масса громадных, темных, серых туч, и видно было, как из них полосой низвергается дождь. Ветер сметал в море пыль с белой тропинки в скалах и клонил к земле цветущие кусты боярышника и желтофиолей, которые растут на утесах. Справа – поля молодой зеленой пшеницы, а вдали – город с его колокольнями, мельницами, шиферными кровлями, построенными в готическом стиле домами и гаванью, защищенной двумя уходящими в море дамбами. Он выглядит, как города, которые так часто гравировал Альбрехт Дюрер. В прошлое воскресенье видел я также море. Правда, все было темным, серым, но горизонт начинал светлеть. Было еще очень рано, но уже пел жаворонок и соловьи в прибрежных садах. Вдали свет маяка, огни сторожевого судна и т. д.

В ту же ночь я смотрел на крыши домов, которые видны из окна моей комнаты, и на верхушки вязов, темневших в ночном небе. Над крышами – звезда, одна-единственная, но прекрасная, большая, приветливая. И я думал обо всех нас, и о своих уже ушедших годах, и о нашем доме, и во мне роди-

лось чувство, вылившееся в таких словах: «Не дай мне стать сыном, которого стыдятся, и осени меня своим благословением не потому, что я заслужил его, а ради моей матери. Ты есть любовь, преисполни же собою все. Без твоего благословения мы никогда ничего не свершим».

Прилагаю маленький рисунок с видом из окна школы, через которое мальчики смотрят вслед родителям, когда те, наведив детей, возвращаются на вокзал. Многим этот вид останется памятен навсегда. Если бы ты его видел на этой неделе в дождливую погоду, особенно в сумерки, когда зажигаются фонари и свет их отражается на мокрой мостовой. В такие дни у мистера Стокса частенько бывает плохое настроение, и когда мальчики, по его мнению, слишком шумят, случается, что вечером они не получают ни хлеба, ни чая.

Ах, если бы ты видел, как они выглядывают из окна! В этом есть нечто прямо-таки тоскливое; еда и питье – вот и вся их радость, вот и все, что помогает им жить изо дня в день. Очень хочется мне также, чтобы ты посмотрел, как через узкий коридорчик, по темной лестнице, они поднимаются в столовую. В ней, однако, солнечно и уютно.

Другое любопытное место – комната с прогнившим полом, где мальчики умываются, там стоят шесть тазов, на которые падает слабый свет, проникающий сквозь разбитые стекла окна. Это тоже довольно грустное зрелище. И тем не менее я охотно проведу здесь зиму, чтобы понять, что такое здешняя жизнь.

Мальчики посадили масляное пятно на твой рисунок, прости их.

69. Уэлин, 17 июня 1876

В прошлый понедельник я из Рамсгейта отправился в Лондон. Пешком – это основательная прогулка; когда я уходил, было ужасно жарко, и так продолжалось до Кентербери, куда я добрался уже под вечер. До ночи я прошел еще немного, затем набрел на рощицу больших буков и вязов у какой-то речушки и немножко там передохнул.

В половине четвертого утра, как только рассвело и запели птицы, я снова пустился в путь. В такое время хорошо идти. В полдень я достиг Четема, где вдалеке, за низкими, частично затопленными лугами с разбросанными там и сям вязами, виднеется Темза и множество судов на ней; здесь, как мне кажется, погода всегда пасмурная.

Мне повстречалась телега, и возчик подвез меня с милю, но потом зашел в трактир, и я подумал, что он там задержится; поэтому я пошел дальше, к вечеру достиг так хорошо знакомых мне предместий Лондона и углубился в город по нескончаемым roads¹¹.

Два дня я провел в Лондоне, бегая с одного конца города на другой, чтобы повидаться с разными людьми, в том числе с одним пастором, которому я писал. Прилагаю перевод этого письма; я посылаю его тебе, чтобы ты знал, что я начинаю

---

¹¹ Улицам (англ.).

его с таким чувством: «Отче наш, я недостойный грешник» и «Отче наш, помилуй меня».

Если я найду какую-нибудь должность, то это, вероятно, будет нечто среднее между священником и проповедником, подвизающимся в предместьях Лондона среди рабочего населения. Пока что не говори об этом никому, Тео. Получать я у мистера Стокса буду очень мало – вероятно, всего лишь стол, жилье и немножко свободного времени, чтобы иметь возможность давать частные уроки, а если свободного времени оставаться не будет, самое большее 20 фунтов в год.

Однако продолжим. Первую ночь я провел у мистера Рейда, а следующий день у мистера Гледуэла, где со мной были очень приветливы. Мистер Гледуэл, пожелав мне вечером спокойной ночи, обнял меня, и это мне было очень приятно; буду рад, если в дальнейшем представится возможность иногда оказать его сыну ту или иную дружескую услугу.

Я хотел еще вечером отправиться в Уэлин, но меня задержали буквально силой – был ливень. Однако к четырем часам утра он прекратился, и я зашагал в Уэлин. Для начала я совершил изрядную прогулку с одного конца города на другой – около десяти миль (миля – минут двадцать ходьбы). В пять часов дня я уже был у сестры и обрадовался, увидев ее. Она хорошо выглядит, и тебе, как и мне, понравилась бы ее комната со «Страстной пятницей», «Христом в саду Гефсиманском», «Mater Dolorosa» и т. д., обвитыми плющом вместо рам. Мой мальчик, читая мое письмо к священнику, ты,

возможно, скажешь обо мне: «Он не такой уж плохой человек». Так оно, пожалуй, и есть.

70. Айлворт, 5 июля

Могут наступить времена, когда я не без горечи буду вспоминать о «котлах с мясом в земле Египетской» и о былых благах, например о больших заработках и более видном положении в обществе. Я это предвижу. Хорошо, если в домах, куда я буду заходить, следуя избранным мною путем, окажется хоть «хлеба досыта»; «денег досыта» я там никогда не найду.

И тем не менее в будущем я отчетливо различаю свет, и если он иногда меркнет, то обычно бывает это по моей вине.

Меня остро интересует, далеко ли я продвинулся в своей новой работе и не станут ли для меня вечным камнем преткновения те шесть лет, которые я провел в доме господ Гупиль и К° и в течение которых я должен был бы подготовиться к своему призванию? Однако я убежден, что ни в коем случае не могу больше отступать, даже если этого захочет (впоследствии – сейчас об этом нет и речи) какая-то часть моего «я».

В эти дни у меня такое чувство, словно на свете есть только два ремесла – ремесло школьного учителя и ремесло священника и все, что с этим связано: миссионерство, проповедническая деятельность в Лондоне и т. д. Проповедовать в Лондоне, на мой взгляд, весьма своеобразное занятие. Нуж-

но вращаться в среде бедняков и рабочих, распространять Библию, а приобретя известный опыт, беседовать с ними; отыскивать иностранцев, нуждающихся в работе, и других людей, попавших в трудное положение, и стараться им помочь, и т. д.

На прошлой неделе я несколько раз был в Лондоне, чтобы разузнать, нет ли для меня возможности заняться этим. Я ведь говорю на нескольких языках, довольно много, особенно в Париже и Лондоне, общался с людьми из бедных слоев и иностранцами, да и сам я иностранец; поэтому я, может быть, гожусь в проповедники, а со временем стану еще более пригоден для этой роли.

Для нее, однако, надо иметь по меньшей мере двадцать четыре года, так что в любом случае у меня в запасе еще год. Мистер Стокс определенно сказал, что не может положить мне никакого жалованья, потому что всегда найдет достаточно людей, согласных на такую работу за стол и помещение. Так оно и есть.

Но смогу ли я выдержать? Боюсь, что нет; это, вероятно, выяснится достаточно быстро.

Как бы то ни было, мой мальчик, могу лишь повторить — эти несколько месяцев так привязали меня к той сфере жизни, которая простирается от учительства в школе до проповедничества, к ее радостям и ее терниям, которые больно кололи меня, что я больше не могу отступить.

Итак, вперед! Уверяю тебя: хоть я уже сейчас сталкиваюсь

с очень своеобразными трудностями, а в будущем предвижу и многие другие, мне кажется, что я попал в совсем иную стихию, чем в фирме господ Гупиль и К°.

Получу ли я маленькую гравюру «Христос – утешитель и воздаятель», которую ты мне обещал?

Напиши сразу же, как выберешь минутку, но отправь письмо отцу и матери, так как мой адрес, возможно, скоро изменится и они первыми узнают его.

На прошлой неделе я ходил в Хэмптон-корт посмотреть великолепные сады с длинными аллеями каштанов и лип, где свила себе гнезда масса ворон и грачей, а также дворец и картины.

Там, между прочим, есть много очень красивых портретов Гольбейна и два прекрасных Рембрандта (портрет его жены и одного раввина), а также великолепные портреты итальянцев Беллини, Тициана, одна картина Леонардо да Винчи, картины Мантеньи, одна прекрасная картина С. Рейсдала, натюрморт с плодами Кейпа и т. д.

Я так хотел, чтобы ты был там со мной, – так приятно опять увидеть картины!

Я невольно и ярко представил себе людей, которые некогда жили в Хэмптон-корте, при Карле I и его супруге. Это она сказала: «Благодарю тебя, боже, за то, что ты создал меня королевой, но королевой несчастной». Над ее могилой Боссюэ произнес душевное слово. Есть у тебя «Надгробные речи» Боссюэ? Там ты найдешь и это надгробное слово.

(Есть очень дешевое издание — по-моему, всего пятьдесят сантимов.) Думал я также о лорде и леди Рассел, которые, несомненно, там часто бывали. Гизо описывает их жизнь в «Супружеской любви». Прочти как-нибудь эту книгу, если достанешь.

71. Айлворт, 8 июля 1876

Эск. Джонзу, Холм-корт, для меня

Не терзайся по поводу своей «роскошной» жизни, как ты выражаешься, и спокойно иди своим путем; ты более простодушен, чем я, и, вероятно, быстрее и проще придешь к цели. Не строй себе слишком много иллюзий насчет свободы, которой я пользуюсь; я тоже связан путами всякого рода, притом путами унижительными, а со временем они станут еще тягостнее; но слова, которые написаны над «Христом-утешителем»: «Он пришел возвестить *свободу узникам*», верны и сегодня.

Есть у меня к тебе одна просьба.

В свое время, в Гааге, я ходил к преподавателю катехизиса Хилле, который жил тогда на Бахейнестраат. Он потратил на меня много сил, и, хотя я не всегда это показывал, слова его производили на меня глубокое впечатление; мне от души хочется еще раз сказать ему несколько слов и по возможности доставить удовольствие.

Разыщи его, и если ты узнаешь его адрес и у тебя будет свободная минутка, расскажи ему, что я стал школьным

учителем и — кто знает — может быть, впоследствии получу ту или иную должность, связанную с церковью. Он очень скромный человек, который, как мне кажется, много боролся в жизни; я не раз, приходя к нему, глядел на него и невольно думал: рано или поздно этот человек обретет мир.

Передай ему от меня прилагаемый здесь рисунок. Как бы я хотел хоть разочек заглянуть к Мауве — все, что ты видел у него в тот вечер, который описываешь, я вижу так ясно, словно это стоит у меня перед глазами.

73. Айлворт, 18 августа 1876

Вчера я был у Гледуэла, который на несколько дней вернулся домой; в его семье произошло очень прискорбное событие — его сестра, жизнерадостная черноглазая семнадцатилетняя брюнетка, упала с лошади в Блэкхите; когда ее подняли, она была без чувств и пять часов спустя умерла, так и не приходя в сознание.

Как только я услышал, что случилось, и узнал, что Гледуэл дома, я отправился к нему. Вчера в одиннадцать утра я ушел отсюда и совершил длинную прогулку в Льюишем — с одного конца Лондона на другой, а в пять часов уже был у Гледуэла. Все только что вернулись с похорон, это был настоящий дом скорби, и хорошо, что я туда зашел. Я испытывал чувство смущения и стыда при виде этого огромного, вселяющего почтительное сочувствие горя. «Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны чистые сердцем, ибо они бога

узрят. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах».

Мы долго, до позднего вечера, беседовали с Гарри. Говорили о многом – о Царстве Божием и о Библии. Беседуя, мы ходили взад и вперед по перрону вокзала, и эти последние мгновения перед расставанием мы, наверно, никогда не забудем.

Мы хорошо знаем друг друга, его труд был моим трудом; тамошних людей, которых знает он, знаю и я; его жизнь была моей жизнью; и мне дано так глубоко заглянуть в историю его семьи, во-первых, потому, что я люблю ее, во-вторых, потому, что меня посвятили в подробности этой истории, и, наконец, потому, что я чувствую настроение и тон жизни и быта Гарри и его близких.

Так мы ходили взад и вперед по перрону в этом обыденном мире, но испытывали мы далеко не обыденное чувство. Но, увы, такие мгновения длятся недолго, и вскоре нам пришлось расстаться.

Из поезда открывался красивый вид на окутанный мраком Лондон, на темневший вдали собор Св. Павла и другие церкви. Я доехал до Ричмонда и пошел пешком вдоль Темзы в Айлворт. Это была прекрасная прогулка: слева парки с огромными тополями, дубами и вязами; справа река, в которой отражались огромные деревья. Вечер был прекрасный, какой-то торжественный; в четверть одиннадцатого я

уже был дома.

75. Айлворт, 3 октября 1876

Неделю назад, в прошлую субботу, я совершил длительный поход в Лондон, где до меня дошли слухи об одной должности, которая, быть может, представляет интерес с точки зрения моей будущности. Священники в приморских городах, как, например, Ливерпуль и Гуль, иногда нуждаются в помощниках, которые говорят на нескольких языках и могли бы проповедовать среди моряков и иностранцев, а также посещать больных. На такой должности полагается и какое-то жалованье.

В то утро я вышел отсюда рано, в четыре часа. Ночь здесь, в парке, с темными аллеями вязов и мокрой дорогой, была прекрасна: надо всем серый дождливый воздух, а вдали гроза.

С рассветом я был в Гайд-парке; листья там уже падали, на домах пышно алел дикий виноград, в воздухе стоял туман. В семь часов я был в Кенсингтоне и немножко передохнул в той церкви, где так часто бывал раньше по воскресеньям. В Лондоне я побывал у разных людей и заглянул в магазин господ Гупиль и К^о; там я увидел рисунки, которые Итерсон привез с собой, и с наслаждением вновь взглянул на города и луга Голландии.

79. Айлворт

Тео, в прошлое воскресенье твой брат впервые проповедовал в доме Божьем, там, где начертано: «В месте сем я успокою вас». Я переписал свою проповедь и прилагаю к письму. Да будет она первенцем в длинном ряду других. Стоял светлый осенний день, и я совершил прекрасную прогулку до Ричмонда вдоль Темзы, в которой отражались огромные, обремененные желтой листвой каштаны и светло-голубое небо; между вершинами деревьев виднелась расположенная на холме часть Ричмонда: дома с их красными крышами, незанавешенными окнами и зелеными садами, возвышающийся над ними серый шпиль, а внизу большой серый мост с высокими тополями по обеим сторонам и крошечные черные фигурки идущих по нему людей.

Когда я стоял на кафедре, у меня было такое же ощущение, как у человека, который из темного подземного склепа вновь вышел на приветливый дневной свет. Я ослеплен мыслью, что отныне, куда бы я ни попал, я всюду буду проповедовать Евангелие; чтобы делать это хорошо, нужно носить Евангелие в сердце, словно Он сам вложил его туда. Ты достаточно хорошо знаешь жизнь, Тео, и понимаешь, как одинок бедный проповедник, противостоящий чуть ли не всему миру, но Бог – вот кто будит в нас сознание своей силы и веру в себя. «Я не один: отец не оставил меня».

Пусть времена прейдут, но Тот,
В кого я верую, – со мною,

Вовек утес не упадет,
На коем здание я строю.

Ах, мой мальчик, как я жду Рождества, как тоскую по всем вам! Мне опять кажется, будто за эти немногие месяцы я стал намного старше.

83. Эттен, 31 декабря 1876

Несколько дней тому назад у дяди Винсента побывал господин Браат¹² из Дордрехта; они говорили обо мне, и дядя спросил у господина Бр., не найдется ли у него для меня места, если оно мне потребуется. Господин Бр. считает, что может подыскать мне место, и сказал, чтобы я как-нибудь зашел к нему переговорить об этом. Поэтому вчера рано утром я отправился к нему: я полагал, что не должен пропускать такую возможность, не выяснив, что она собой представляет. Мы условились с ним, что после Нового года я поступлю к нему на неделю, а по истечении этого срока мы поговорим о дальнейшем.

По многим причинам мне крайне желательно снова вернуться в Голландию и быть поблизости от отца и матери, а также от тебя и всех остальных. Кроме того, получать я там, конечно, буду больше, чем у мистера Джонза. Я обязан подумать обо всем этом, прежде всего потому, что время идет, а с годами потребности человека возрастают. Что касается

---

¹² Глава книготорговой фирмы Блюссе и ван Браам в Дордрехте.

остального, то я об этом не задумываюсь. У нашего отца такой широкий, всеобъемлющий и многосторонний ум, что – я уверен в этом – при любых обстоятельствах в какой-то мере он разовьется и у меня. Словом, мое положение изменится лишь в том смысле, что я буду не обучать мальчиков, а служить в книжном магазине.

Как часто нам с тобой хотелось быть вместе, как страшно чувствовать себя оторванными друг от друга во время болезни или невзгод, – мы остро ощутили это, например, когда ты хворал, – и как тяжело сознавать, что из-за нехватки денег мы можем в нужную минуту не оказаться возле близкого человека!..

Дордрехт. Январь 1877 – апрель 1877

Начало 1877 г. Ван Гог работает продавцом в книжном магазине фирмы Блюссе и ван Браам у господина Браата в Дордрехте, но идея «служения богу и Евангелию» не оставляет его. Ван Гог решает поступить на богословский факультет Амстердамского университета.

85

В прошлое воскресенье утром я был в здешней французской церкви – выглядит она очень торжественно и внушительно: в ней есть какое-то очарование. Текст, избранный для проповеди, гласил: «Храни то, чем владеешь, дабы не отняли у тебя венец твой».

Кончалась проповедь так: «Если я забуду тебя, Иерусалим, – забудь меня, десница моя».

Выйдя из церкви, я в одиночестве совершил прекрасную прогулку по плотине, мимо мельниц; небо сверкало над пастбищами и отражалось в канавах.

В других странах тоже встречаются такие пейзажи. Например, во Франции, под Дьеппом, я видел обрывистые прибрежные скалы, поросшие зеленой травой; море и небо, гавань, старые лодки, словно сошедшие с холстов Добиньи, коричневые сети и паруса; убогие домишки, разбросанные меж ними ресторанчики с белыми шторами и зелеными еловыми

ветками на окнах; телеги, запряженные белыми лошадьми, длинные синие повозки с красными кистями; возчики в синих блузах, бородатые рыбаки в промасленной одежде и француженки с бледными лицами, темными глубокими глазами, в черных юбках и белых чепцах. Или, например, лондонские улицы, освещенные фонарями и залитые дождем, в ту ночь, которую я провел на паперти старой церкви, когда летом шел в город из Рамсгейта. Да, в других странах тоже есть нечто подобное. Но когда в прошлое воскресенье я бродил один по плотине, мне думалось: «Как хороша наша голландская земля!» У меня было так хорошо на сердце, что я, казалось, чувствовал свое единение с Богом. Передо мной воскресли картины детства: мне вспомнилось, как в последние дни февраля мы часто ходили гулять с отцом в Рейсберген и слушали жаворонков, поющих над черными пашнями и молодыми зелеными в ярко-голубом небе между белыми облаками, а под ними мощенная камнем и обсаженная буками дорога. О Иерусалим, Иерусалим! Или лучше – о Зюндерт, о Зюндерт! Кто знает, быть может, этим летом мы опять будем вместе гулять у моря. Нам нужно лишь всегда оставаться добрыми друзьями, Тео, и верить в Бога, непоколебимо верить в того, кто может дать нам больше, чем мы просим и жаждем.

От души поздравляю тебя с сегодняшним днем¹³: сейчас уже половина второго, и, таким образом, настало восьмое

---

¹³ День рождения отца Винсента и Тео.

февраля. Да сохранит бог для нас отца еще на долгие годы.

86. Дордрехт, 26 февраля 1877

Прилагаю фотографию – «Гугенотов», повесь ее у себя в комнате. Ты знаешь историю о том, как один молодой человек накануне Варфоломеевской ночи был предупрежден своей невестой, которая знала, что должно случиться, и как она хотела заставить его надеть на руку белую повязку – опознавательный знак католиков. На это он, однако, не согласился: вера и долг были ему дороже невесты...

Сегодня у меня было много работы – целая куча мелочей, но они входят в мои обязанности; если у человека отсутствует чувство долга, он не может сохранить хотя бы мало-мальскую верность своим замыслам; только сознание долга освящает все происходящее, связывает все воедино и рождает из множества мелочей нечто большее.

88. Дордрехт, 16 марта 1877

Как тяжела жизнь брабантских крестьян, Арсенов¹⁴, например, и откуда у них берутся силы? А каково несчастным женщинам, что их опора в жизни? Не то же ли это самое, что изобразил художник в своем *Light of the world*^[3]¹⁵?

Не могу тебе передать, какую потребность я испытываю в Библии! Я ежедневно читаю ее, но мне так хотелось бы знать

---

¹⁴ Крестьян, работавших при пасторском доме в Зюндерте.

¹⁵ «Светоче мира» (англ.).

ее наизусть и видеть жизнь в свете стиха, гласящего: «Слово Твое – светильник ноге моей и свет стезе моей».

Я верю и уповаю, что жизнь моя еще изменится и моя тоска по Нему будет удовлетворена, но порой мне так одиноко и грустно, особенно когда я прохожу мимо церкви или дома священника.

89. Дордрехт, 22 марта 1877

Насколько мне помнится, в нашей семье, семье христианской в полном смысле этого слова, из поколения в поколение кто-то всегда был проповедником слова Божия.

Почему же голосу Господню не звучать и в нашем и следующих поколениях?

Почему один из членов нашей семьи не может почувствовать в себе призвание к такому служению, почему у него не может быть оснований посвятить себя ему, объявить о своих намерениях и поискать средства к достижению своей цели?

Я молюсь и всем сердцем мечтаю о том, чтобы дух моего отца и деда низошел и на меня, чтобы мне было дано стать христианином и тружеником во Христе, чтобы моя жизнь все больше и больше походила на жизнь тех, кого я упомянул выше: старое вино хорошо, и я не хочу иного, кроме того, которое здесь называю.

Тео, мальчик, брат мой любимый, мне так хочется этого, но как достичь цели? Поскорее бы только большая и напряженная работа, без которой не сделаться служителем Еван-

гелия, осталась, наконец, позади!

94. Дордрехт, 30 апреля 1877

Надеюсь вскоре увидеться с тобой: я задумал провести несколько дней в Гааге, когда поеду в Амстердам. Только никому об этом не говори, потому что я хочу это сделать, главным образом, для того, чтобы побыть с тобой.

В следующую среду я еду в Эттен и пробуду там несколько дней, а затем за работу...

Между делом я на этих днях по карманному катехизису дяди Стриккера еще раз прошел всю историю Христа и выписал тексты; при этом мне вспоминалось так много картин Рембрандта и других! Верю и знаю, что не раскаюсь в выборе, который сделал, стремясь стать христианином и тружеником во Христе.

Да, все мое прошлое содействует этому: после знакомства с такими городами, как Лондон и Париж, и жизни в таких домах, как Рамсгейтская и Айлвортская школы, для человека становятся особенно притягательны многие места из книг Писания, например «Деяния апостолов».

Знакомство с жизнью и любовь к произведениям таких людей, как Жюль Бретон, Милле, Жак, Рембрандт, Босбоом и многие другие, также могут стать источником новых мыслей.

Как много сходства между делами и жизнью нашего отца и вот таких людей, но то, что делает отец, я ставлю еще выше.

Амстердам. Май 1877 – июль 1878

Вся семья приняла участие в новом начинании Винсента: родители оказывали материальную помощь, дядя Ян (Ян ван Гог, директор амстердамской морской верфи) предоставил жилище, дядя Стриккер (муж старшей сестры матери Винсента, священник) взял на себя наблюдение за занятиями. Подготовительные занятия должны были продолжаться два года. Но Винсент выдержал только один год. Жажда практической деятельности и разочарование в университетской теологии заставили его бросить учебу.

98. Амстердам, 30 мая 1877

В твоём письме была фраза, поразившая меня: «Я хотел бы уйти от всего, я сам причина всего и доставляю другим лишь неприятности, я один навлек эту беду на себя и других». Эти слова так поразили меня потому, что точно такое же чувство, точно то же самое, ни больше и ни меньше, испытываю в душе я. Когда я думаю о прошлом, когда я думаю о будущем – о почти непреодолимых трудностях, о большой и тяжелой работе, к которой у меня не лежит душа и от которой я, вернее, мое дурное «я» охотно бы уклонилось; когда я думаю о многих людях, чьи глаза наблюдают за мной, я предвижу, что если у меня ничего не выйдет, они поймут, в чем дело, и не станут осыпать меня мелочными упреками,

но, будучи искушенны и опытны во всем, что хорошо, честно и справедливо, всем своим видом скажут: «Мы помогали тебе и были для тебя светочем; мы сделали для тебя все, что могли. В полную ли меру своих сил ты трудился? Где же плоды нашего труда и награда за него?» Видишь ли, когда я думаю обо всем этом и еще о многих вещах, слишком многих, чтобы я мог тебе их перечислить, – о трудностях и заботах, которые отнюдь не уменьшаются с возрастом, о страданиях, разочарованиях, о страхе перед неудачей и даже позором, – тогда и мне не чуждо это желание – уйти от всего!

И все же я иду вперед, но осторожно и в надежде, что мне удастся побороть все эти опасения, что я найду ответ на упреки, которые угрожают мне; иду с верой, что, несмотря на все стоящие передо мной препятствия, я все же достигну желанной цели и, если захочет Бог, оправдаюсь в глазах тех, кого люблю, и тех, кто придет после меня.

101. Амстердам, 12 июня 1877

У меня каждый день очень много дела, так что время идет быстро и дни кажутся слишком короткими, даже когда я их немного растягиваю: я испытываю огромную потребность двигаться вперед, хорошо и основательно изучить Писание и, кроме того, узнать массу вещей, например, то, что я переписал для тебя о Кромвеле: «*Pas un jour sans une ligne*»¹⁶. Если я буду каждый день упорно писать, читать, работать и

---

¹⁶ «Ни дня без написанной строчки» (франц.).

учиться, я, несомненно, чего-то достигну...

Сегодня утром без четверти пять здесь началась ужасная гроза; чуть позже, под проливным дождем, в ворота верфи влился первый поток рабочих. Я встал и вышел во двор, захватив с собой несколько тетрадей. Я сел в беседке и стал их читать, одновременно наблюдая за верфью и доками. Тополя, бузина и другие кусты гнулись под неистовым ветром, дождь колотил по деревянным стапелям и палубам кораблей; шлюпки и пароходик шныряли взад и вперед, а вдаль у деревни, на противоположной стороне залива Эй, виднелись коричневые быстро уходящие паруса, дома и деревья на Бейтенкант и пятна более ярких цветов – церкви. Снова и снова слышались раскаты грома и сверкали молнии, небо было как на картине Рейсдаля, низко над водой носились чайки.

Это было величественное зрелище и подлинное облегчение после вчерашней томительной жары...

Ну, мне пора опять за работу: сегодня у меня нет урока, но зато завтра утром – два часа подряд, а мне еще надо много приготовить. Историю Ветхого Завета я прошел до Самуила включительно, теперь сегодня вечером возьмусь за «Царства», а когда справлюсь с ними, это уже будет кое-что.

Когда я вот так пишу и пишу, я время от времени непроизвольно набрасываю небольшой рисунок, вроде того, что недавно послал тебе; сегодня утром, например, я сделал набросок – Илья в пустыне под грозовым небом; на переднем плане несколько терновых кустов; словом, ничего особенно-

го, но иногда все это так живо предстает передо мною, и я верю, что в такие минуты мог бы говорить об этом с истинным воодушевлением. Дай бог, чтобы я когда-нибудь получил такую возможность!

104. Амстердам, 3 августа 1877

Итак, ты был у Мауве и хорошо провел время; рисовал ли ты, пока был у него? Я тоже один раз, за несколько дней до моей первой поездки в Лондон, был в мастерской у Вейсенбруха и до сих пор сохраняю отчетливое воспоминание и о том, что я видел из его этюдов и картин, и о нем самом. Когда снова будешь писать, расскажи мне о выставке, которая должна была открыться вчера. Как много сюжетов для картин могли бы найти художники здесь, на верфи!..

Я изо дня в день делаю все, что в моих силах, чтобы втянуться в работу, особенно латынь и греческий, и уже выполнил кучу переводов, состоящих из фраз, которые напоминают мне старые школьные времена, например: «Какого весьма выдающегося философа приговорили к смерти афиняне? Досточтимого мудреца Сократа. Наша жизнь походит на путешествие: мы подвергаемся очень многим и очень большим бедствиям и злоключениям. Характер Одиссея и виноградные лозы».

112. Амстердам, 30 октября 1877

Я целиком поглощен работой и думаю лишь об одном —

как выдержать экзамены; обо всем я советуюсь с Менделеевым и организую свои занятия соответственно тому, как делал он, потому что и сам охотно поступал бы так же. История восьмидесятилетней войны просто замечательна: тот, кто посвятил свою жизнь подобной борьбе, поступает хорошо. Действительно, жизнь есть борьба, мы должны держаться и драться, бодро и без уныния, ставить себе цель и рассчитывать, как мы будем двигаться к ней. Чем дальше идешь по жизни, тем более трудной она становится, и правильно говорится:

Неужто дорога все в гору идет?

Да, только в гору, друг мой.

И долго ль придется в пути нам пробывать?

С рассвета до тьмы ночной.

Но в борьбе со встающими перед нами трудностями возрастает внутренняя сила нашего сердца, которое совершенствуется в жизненной борьбе (*on grandit dans la tempête*)¹⁷, если, конечно, мы стремимся сохранить наше сердце – источник всего, что бесхитростно, благостно, щедро, – таким, чтобы наша совесть была чиста и перед богом и перед людьми.

114. Амстердам, 25 ноября 1877

Изучать историю очень полезно, для меня она – источник

---

¹⁷ В буре растешь (*франц.*).

больших радостей, и я считаю себя счастливым, что мне удалось кое-что узнать обо всех этих вещах. Сейчас я достал у дяди Кора «Историю Англии для детей» Диккенса. Не знаю, писал ли я уже тебе об этом. Книга эта – чистое золото; между прочим, я прочел в ней описание битвы при Гастингсе.

Думаю, что если внимательно прочесть несколько таких книг, как Мотли, Диккенс и «Крестовые походы» Грусона, то можно исподволь составить себе верное и простое представление об истории в целом.

117. Амстердам, 9 января 1878

К. М. спросил меня сегодня, нахожу ли я красивой «Фрину» Жерома, а я ответил, что мне гораздо больше нравится уродливая женщина Израэльса или Милле или старуха Эд. Фрера. Что, в сущности, значит такое красивое тело, как у этой Фрины? Физической красотой обладают и звери, может быть, даже в большей степени, чем люди, но души, живущей в людях, которых пишут Израэльс, Милле или Фрер, звери не имеют, а разве жизнь дана нам не затем, чтобы мы обладали богатой душой, даже если при этом страдает наша внешность?

К картине Жерома я, со своей стороны, питаю очень мало симпатии, потому что не вижу в ней ни малейшего признака одухотворенности: две руки, по виду которых можно сказать, что они немало потрудились, красивее для меня, чем те, которые мы видим на этом полотне.

Еще большая разница существует между такой красивой девушкой и такими людьми, как Паркер, или Фома Кемпийский, или героями произведений Мейссонье: любить такие разные вещи одновременно и питать к ним симпатию так же невозможно, как служить двум господам. И когда К. М. спросил меня, неужели я не испытываю никакого чувства к красивой женщине или девушке, я ответил, что испытывал бы больше чувства и предпочел бы иметь дело с женщиной уродливой, старой или нищей, словом, несчастной в любом отношении, но обретшей душу и разум в жизненных испытаниях и горестях.

121. Амстердам, 3 апреля 1878

Я снова размышлял о том, что мы обсуждали, и мне невольно вспомнились слова: «nous sommes aujourd'hui ce que nous étions hier»¹⁸. Они не означают, что нужно остановиться на месте и бояться развивать себя, напротив, делать это настоятельно необходимо. Однако, чтобы соблюсти верность этим словам, надо не отступать и, начав смотреть на вещи чистым и доверчивым взглядом, всегда сохранять его чистоту и доверчивость.

Те, кто сказал: «nous sommes aujourd'hui ce que nous étions hier», были «honnêtes hommes»¹⁹, что становится ясным из конституции^[4], которую они сочинили, которая хороша для

---

¹⁸ «Сегодня мы такие же, как были вчера» (франц.).

¹⁹ Порядочными людьми (франц.).

всех времен и о которой говорится, что она написана «avec le rayon d'en haut»²⁰ и «d'un doigt de feu»²¹. Конечно, хорошо быть «honnête homme» и стремиться стать еще более «honnête», но прав тот, кто убежден, что сверх этого нужно быть еще «homme intérieur et spirituel»²².

Знай я наверняка и твердо, что принадлежу к числу таких людей, я всегда спокойно и неуклонно шел бы своим путем, не сомневаясь, что достигну цели. Был однажды человек, который в определенный день шел в церковь и спрашивал: «Может ли быть так, что мое рвение обмануло меня, что я вступил на неверный путь и что я его плохо начал? Ах, если бы я освободился от этой неизвестности и был бы твердо убежден, что в конце концов смогу победить и добиться успеха!» И вот однажды ему ответил голос: «А что бы ты сделал, если бы знал это твердо? Поступай так, словно ты это твердо знаешь, и не будешь посрамлен». И пошел человек своим путем, но уже не без веры, а с верой и вернулся к своей работе, больше не сомневаясь и не колеблясь.

Что же означает быть «homme intérieur et spirituel»? Нельзя ли развить в себе способность быть им при помощи знакомства с историей в целом и с определенными деятелями всех времен, в частности – от библейской истории до истории революции, от «Одиссеи» до книг Диккенса и Мишле?

---

²⁰ «С искрой божией» (*франц.*).

²¹ Пламенным перстом (*франц.*).

²² Человеком, живущим внутренней жизнью и одухотворенным (*франц.*).

И не следует ли кое-что почерпнуть из творчества таких людей, как Рембрандт, или из «Сорной травы» Бретона, «Часов дня» Милле, «Предобеденной молитвы» де Гру или Бриона, из «Новобранца» де Гру (или Консьянса), из «Больших дюбов» Дюпре или даже мельниц и песчаных равнин Мишеля?

Мы еще много говорили о том, что является нашим долгом и как можно достичь в жизни чего-нибудь хорошего, и пришли к выводу, что пока у нас должна быть одна цель – найти себе определенное занятие и профессию, которым мы могли бы целиком посвятить себя.

Я полагаю, что мы были единомышленны и в другом пункте, а именно: во всяком деле самое главное – его цель, и победа, за которую платишь целой жизнью напряженного труда, дороже, чем та, которую одерживаешь походя.

Тот, кто живет честно, кто познает подлинные трудности и разочарования, но не сгибается, стоит больше, чем тот, кому везет и кто знает лишь сравнительно легкий успех.

Кто же тогда те, в ком мы наиболее явственно замечаем признаки высшей жизни? Это те, к кому относятся слова: «Труженики, ваша жизнь печальна, труженики, вы страдаете в жизни, труженики, вы блаженны», те, кто несет на себе печать «целой жизни борьбы, труда и неколебимого постоянства».

Стараться стать таким – благо. Итак, пойдем вперед нашим путем «*indefessi favente Deo*»²³. Что касается меня, то я

---

²³ С неизменной помощью божией (лат.).

должен стать настоящим священником, который умеет дать верный и полезный совет в жизни; поэтому, быть может, хорошо, что я получил сравнительно долгое время на основательную подготовку и успею прочно укрепиться в вере, прежде чем буду призван проповедовать ее другим...

Если только мы постараемся жить честно и праведно, нам будет хорошо даже при неизбежных и глубоких горестях и разочарованиях; мы, вероятно, не избежим тяжких заблуждений и дурных поступков, но, несомненно, лучше обладать горячим сердцем, даже если это стоит нам лишних ошибок, чем быть ограниченным и чрезмерно осторожным. Нужно любить – любить как можно больше, ибо в любви и заключается подлинная сила, и кто много любит, тот делает много и способен на многое, и что делается с любовью, то делается хорошо. Если тебя волнует то или иное произведение – например, «Ласточки», «Жаворонок», «Соловей», «Осенние надежды», «Я вижу здесь некую даму», «Я любил этот странный городок» Мишле, – то это потому, что оно написано от души, без прикрас и с кротостью сердечной.

Лучше говорить меньше, но выбирать такие слова, в которых много смысла, чем произносить длинные, но пустые речи, которые столь же бесполезны, сколь легко произносятся.

Человеку нужно лишь неизменно любить то, что достойно любви, а не расточать свое чувство на предметы незначительные, недостойные и ничтожные, и он будет становиться все сильнее и проницательнее.

Чем раньше осваиваешься с определенным кругом работы и определенной профессией, чем раньше обретаешь относительно самостоятельное мышление и образ действий и чем строже придерживаешься твердых правил, тем более твердый характер ты воспитываешь в себе; при всем том следует как можно больше стараться не впасть в ограниченность.

Кто поступает таким образом, тот мудр, потому что жизнь коротка и время бежит быстро; кто утверждает в чем-то одном и как следует овладевает одной профессией, тот получает представление и знания и о многих других вещах.

Во многих случаях очень полезно почаще бывать на людях и общаться с ними, а иногда мы просто обязаны и призваны это делать; но увереннее всего чувствует себя в мире, среди людей, тот, кто предпочитает тихо и одиноко заниматься своим делом и ограничивает себя узким кругом друзей.

Даже если у тебя нет забот, трудностей и препятствий, все равно не следует быть самоуверенным: нельзя относиться ко всему слишком легко. Даже вращаясь в самых образованных кругах, находясь в самой лучшей среде и условиях, мы должны сохранять в себе нечто самобытное, нечто от Робинзона Крузо или естественного человека, так как иначе у нас не будет опоры в самих себе; не давай остыть пылу души своей, а, напротив, поддерживай его. Кто избрал своим уделом бедность и любит ее, тот владеет безмерным сокровищем и никогда не станет глух к голосу совести; этот внутренний го-

лос – лучший дар господя: кто слышит его и повинуется ему, тот, в конце концов, обретает в нем друга и никогда не бывает одинок.

Счастлив тот, кто верит в бога, потому что он, пусть не без усилий и горестей, в конце концов преодолевает все трудности жизни.

Самое лучшее – при всех обстоятельствах, на любом месте и во все времена сохранять мысль о боге и стараться побольше узнать о нем, а это можно сделать, читая Библию, равно как и разные другие источники. Хорошо верить, что все в мире чудесно, все лучше, чем можно себе представить, потому что в этой вере – правда; хорошо остаться порядочным, скромным и иметь доброе сердце, даже если приходится скрывать свою доброту, как это часто бывает необходимо; хорошо знать многое, что скрыто от мудрецов и мыслителей мира сего, но от природы понятно людям бедным и простым, женщинам и детям. Разве можно познать что-нибудь лучшее, нежели то, что бог от рождения вложил в каждую человеческую душу, которая живет и любит, надеется и верит, если только она злодейски не искалечена?

Человек испытывает потребность в немалом – в бесконечности и чуде и правильно поступает, когда не довольствуется меньшим и не чувствует себя в мире как дома, пока эта потребность не удовлетворена.

Это и есть кредо, которое выразили в своих произведениях все хорошие люди; все, кто думал глубже, искал чего-то

более высокого, работал и любил больше, чем остальные; все, кто проник в самые глубины моря житейского. Проникать в глубины должны и мы, если хотим что-то поймать; а если иногда нам случается проработать всю ночь и ничего не поймать, то и тогда лучше не отступаться и еще раз закинуть сеть в утренние часы.

Будем же спокойно идти вперед, и пусть каждый на своем пути всегда стремится к свету: *sursum corda*²⁴, зная, что мы – такие же, как другие, что другие – такие же, как мы, и что человеку хорошо жить среди себе подобных, твердо веруя, нерушимо надеясь, все претерпевая и всегда стремясь избежать гибели.

И не надо принимать слишком близко к сердцу свои недостатки, ибо тот, у кого их нет, все же страдает одним – отсутствием недостатков; тот же, кто полагает, что достиг совершенной мудрости, хорошо сделает, если поглупеет снова. *Nous sommes aujourd’hui ce que nous étions hier*, а именно *honnêtes hommes*, но такие, которым предстоит закалиться в огне жизни, чтобы внутренне окрепнуть и утвердиться в том, что по милости божьей дано нам от рождения.

---

²⁴ «Вознесем сердца наши» (лат.).

Эттен и Брюссель. Июль 1878 – ноябрь 1878

Желание быстрее получить возможность практически приложить свои силы приводит Винсента в основанную пастором де Йонге и руководимую учителем Бокмой миссионерскую школу в Лакене, около Брюсселя. Но после трехмесячного испытательного срока (15 августа – 15 ноября 1878 г.), во время которого Винсент, как вспоминали впоследствии его соученики, не выказал необходимого послушания, он был вынужден покинуть школу и отправился на собственный страх и риск проповедовать Евангелие в Боринаж – крупнейший центр добычи угля в Южной Бельгии.

123. Эттен, 22 июля 1878

Папа тебе уже, конечно, написал, что на прошлой неделе мы ездили в Брюссель вместе с преподобным д-ром Джонзом из Айлворта, который остался здесь еще на неделю.

Впечатление, с которым мы возвратились домой из этой поездки, было тем более благоприятным, что, как мы считаем, я смогу там со временем найти должность и поле деятельности; добиться этого там можно быстрее и дешевле, чем в Голландии; таким образом, мы решили не упускать из виду Бельгию и искать там до тех пор, пока что-нибудь не найдем.

Мы побывали во фламандском духовном училище с трех-летним курсом обучения, тогда как в Голландии, – это тебе известно, – учиться мне в самом лучшем случае пришлось бы еще шесть лет. Для получения места и звания проповедника там даже не требуется окончания училища. Требуется только умение читать народу душевные, понятные и доходчивые проповеди и поучения, предпочтительно не длинные и ученые, а краткие и яркие. Поэтому там обращают меньше внимания на широкое знакомство с древними языками и глубокие познания в богословии (хотя последние и являются хорошей рекомендацией), а больше принимают во внимание способность к практической работе и веру, идущую от сердца. До этого, однако, мы еще не дошли; во-первых, способность говорить с народом серьезно и с чувством, без натянутости и стесненности, приобретаетсЯ не сразу, а лишь после долгой практики; во-вторых, то, что ты хочешь сказать, должно быть осмысленно, целеустремленно и одушевлено горячим желанием пробудить в слушателях стремление претворить в жизнь свою любовь и свои чаяния. Нужно быть проповедником для народа, чтобы иметь там успех. Ces messieurs²⁵ в Брюсселе потребовали, чтобы я приехал туда на три месяца и поближе познакомился с ними, но такое длительное пребывание там опять обойдется очень дорого, а этого мы по возможности должны избегать. Поэтому я пока что еще немного поработаю здесь, в Эттене, и подготов-

---

²⁵ Эти господа (франц.).

люсь, а уж отсюда смогу время от времени посещать и пастора Питерсена в Мехельне, и пастора де Йонге в Брюсселе; таким образом я ближе познакомлюсь с ними, а они со мной. Сколько времени будет так продолжаться, зависит от того, что решат в Брюсселе.

126. Лакен, 15 ноября 1878

Прилагаю упомянутый набросок «На шахту».

Мне очень хочется попробовать делать беглые наброски то с одного, то с другого из бесчисленных предметов, которые встречаешь на своем пути, но поскольку это, возможно, отвлечет меня от моей настоящей работы, мне лучше и не начинать. Придя домой, я сразу же начал работать над проповедью о бесплодной смоковнице, Лук., XIII, 6–9.

Маленький рисунок «На шахту», действительно, не представляет собой ничего особенного, но я набросал его совершенно произвольно, потому что здесь видишь очень много людей, которые работают на шахтах, а это – совсем особая порода. Домишко стоит неподалеку от бечевника, это по существу маленький кабачок, пристроенный к надшахтным строениям; во время обеденного перерыва туда заходят рабочие, чтобы съесть свой хлеб и выпить стакан пива.

В свое время в Англии я пробовал найти себе место проповедника среди горнорабочих, на угольных шахтах, но тогда на мою просьбу не обратили внимания; мне сказали, что наименьший возраст для такой должности – двадцать пять

лет. Ты хорошо знаешь, что одна из основных истин Евангелия и не только его, но Писания в целом – «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его». *Через тьму к свету*. Так кто же больше всего нуждается в этом свете, кто наиболее восприимчив к нему? Опыт показывает, что тех, кто работает во тьме, в черных недрах земли, как, например, углекопов, глубоко захватывают слова Евангелия и что они верят в них. Так вот, на юге Бельгии, в Эно, поблизости от Монса, до самой французской границы и далеко за нее, простирается местность под названием Боринаж, своеобразное население которой состоит из горняков, работающих на бесчисленных угольных шахтах. Вот что я, между прочим, прочел о них в одном маленьком географическом справочнике: «Боринажцы (жители Боринажа, местности к западу от Монса) занимаются исключительно добычей угля. Внушительное зрелище представляют собой эти уходящие на 300 м под землю шахты, куда изо дня в день спускается рабочее население, достойное нашего уважения и симпатии. Углекоп – это особый человеческий тип, характерный для Боринажа: дневной свет для него не существует – он наслаждается солнечными лучами только по воскресеньям. При свете лампы, струящей слабый, тусклый свет, трудится он в тесном забое, скрючившись, а то и лежа, чтобы вырвать из лона земли уголь, который, как всем известно, приносит нам такую большую пользу. На работе он непрерывно подвергается тысячам опасностей, но бельгийский шахтер обладает счастливым характе-

ром: он привык к такому образу жизни и, спускаясь в шахту, во тьме которой ему светит лишь прикрепленная к его шапке маленькая лампочка, он вверяет себя Богу, а Господь видит его труд и охраняет его самого, его жену и детей».

Боринаж расположен, таким образом, южнее Лессина, где находятся каменоломни. Мне очень хотелось бы поехать туда в качестве проповедника. Трехмесячный испытательный срок, который ставят условием господа де Йонге и пастор Питерсен, уже почти прошел. Св. Павел, прежде чем начать проповедовать, отправиться в апостольские скитания и понастоящему трудиться среди язычников, провел три года в Аравии. Если бы я тоже имел возможность года три спокойно поработать в подобной местности, все время учась и наблюдая, я бы, конечно, вернулся и мог бы сказать нечто такое, что действительно ценно, что стоит послушать; говорю это со всей скромностью, но тем не менее уверенно.

Если бог захочет этого и сохранит мне жизнь, я приблизительно к тридцати годам смогу начать работу с надлежащей подготовкой и опытом: тогда я стану большим мастером своего дела и более созрею для него, чем сейчас.

Я повторяю тебе это еще раз, хотя мы об этом уже говорили. В Боринаже довольно много маленьких протестантских общин, равно как, разумеется, и школ. Ах, если бы мне дали там хоть какое-нибудь местечко, чтобы я мог работать так, как мы с тобой мечтали, и проповедовать Евангелие беднякам, то есть тем, кто в нем нуждается и для кого оно особен-

но близко, а все свободное в течение недели время посвящать учению!

Ты, конечно, бывал в Сен-Жиле? Я тоже однажды совершил поездку в эти края, на Старую заставу. Там, где берет начало дорога на Мон-Сен-Жан, есть еще один холм – Альсемберг. С него можно увидеть весь город, а справа от него находится сенжильское кладбище, все в кедрах и плюще.

Идя дальше, попадаешь в Форе. Местность эта очень живописна, на склонах холмов стоят старые дома, похожие на хижины среди дюн, которые так хорошо писал Босбоом. Там можно наблюдать всевозможные полевые работы: сев, копку картофеля, мойку репы, причем все это, даже сбор хвороста, живописно и во многом напоминает Монмартр.

Есть здесь старые поросшие плющом или диким виноградом дома и красивые трактиры; среди зданий, которые бросились мне в глаза, отмечу, в частности, дом одного горчичного фабриканта по фамилии Веркистен. Его владение – настоящая картина в духе Тейса Мариса. Там и сям виднеются небольшие каменоломни, к которым ведут осевшие дороги с глубокими колеями, бредут маленькие белые лошадки с красными помпонами на голове и возчики в синих блузах; хватает там и пастухов, пасущих овец, и женщин, одетых в черные платья и белые чепцы и напоминающих женщин де Гру.

Здесь есть места, – благодарение богу, они встречаются повсюду! – где чувствуешь себя как-то особенно дома, где

испытываешь странное, давно знакомое ощущение, похожее на тоску по родине, ощущение, в котором есть нечто горькое и грустное, но которое укрепляет душу и – неизвестно, как и почему – пробуждает в нас новые силы и охоту к работе. В тот день я ушел еще дальше, за Форе, и свернул на боковую дорогу, ведущую к старой заросшей плющом церкви. Я обнаружил там множество лип, которые переплелись друг с другом еще больше и были, так сказать, еще более готическими, чем те, что мы видели в парке; а со стороны осевшей дороги, идущей к кладбищу, виднелись искривленные стволы и корни деревьев, не менее причудливые, чем те, что награвировал Альбрехт Дюрер в «Рыцаре, смерти и дьяволе».

Видел ли ты когда-нибудь картину Карло Дольчи «Гефсиманский сад» или, вернее, фотографию с нее? Я видел ее недавно – в ней есть что-то от Рембрандта. Ты, конечно, хорошо знаешь большую грубоватую гравюру с Рембрандта на ту же тему, пандан к «Чтению Библии» с двумя женщинами и колыбелью. Когда ты сказал мне, что видел картину папаши Коро на тот же сюжет, я снова ее припомнил. Я видел ее на выставке работ этого художника вскоре после его смерти, и она глубоко взволновала меня.

Как много в искусстве прекрасного! Кто помнит все, что видел, тот никогда не останется без пищи для размышлений, никогда не будет по-настоящему одинок.

à Dieu, Тео!²⁶ Мысленно жму тебе руку, от всего сердца

---

²⁶ До свидания (франц.).

желаю тебе всего хорошего и всяческих успехов в работе. Пусть тебе на жизненном пути встретится побольше такого, что остается в памяти и что делает нас богачами даже тогда, когда нам кажется, будто мы владеем немногим.

Если как-нибудь заглянешь к Мауве, передай ему привет от меня и верь, что я по-прежнему твой люб[ящий] брат Винсент.

Задержался с отправкой письма на несколько дней. 15 ноября прошло – таким образом, три месяца истекли. Я говорил с пастором де Йонге и с учителем Бокма. Они сказали, что нет никакой возможности позволить мне учиться на тех же условиях, которые они предоставляют коренным фламандцам. Я могу присутствовать на уроках, на худой конец – даже бесплатно, но это – единственная привилегия. Таким образом, чтобы остаться там надолго, мне потребуется гораздо больше денег, чем те, которыми я могу располагать – у меня ведь их совсем нет. Поэтому я, возможно, сразу же попробую осуществить свой план насчет Бориша. Стоит мне вырваться, и я уже так легко не вернусь снова в большой город.

Боринаж. Ноябрь 1878 – октябрь 1880

Конец 1878 г. Винсент проводит в деревушке Патюраж, читая горнякам Библию и посещая больных. В январе 1879 г. он получает, наконец, место проповедника в Ваме. Винсент воочию видит чудовищную бедность горняков и нечеловеческие условия их труда, становится свидетелем несчастных случаев в шахтах, эпидемии и забастовки. Он убеждается, что проповедь Евангелия мало помогает людям, и переходит от слов к делам – раздает больным и раненым свои деньги, одежду и другое имущество, вплоть до кровати, скандалит с дирекцией шахт, заступаясь за рабочих. В июле 1879 г. недовольное церковное начальство освободило Винсента от должности проповедника. Наступают самые тяжелые дни в его жизни: Винсент остается в Боринаже без работы, без денег, без друзей и без крыши над головой. Он ссорится с семьей, обвиняющей его в изживенчестве, и с братом, пытающимся примирить обе стороны. В октябре 1879 г., в период сильнейшего душевного кризиса, прерывается даже переписка с Тео. Только через девять месяцев, в июле 1880 г., он вновь сообщает Тео о себе. Странствия по Боринажу сделали его «другим человеком». У него зарождается и крепнет желание стать художником. Он много копирует и рисует с натуры, но большая часть работ этого времени пропала.

127. Пти Вам, 26 декабря 1878

Боринаж, Эно

Ты, без сомнения, понимаешь, что здесь, в Боринаже, нет никаких картин, что здесь, как правило, даже не знают, что такое картина; поэтому само собой разумеется, что со времени моего отъезда из Брюсселя я не видел ничего относящегося к области искусства. Тем не менее местность тут очень своеобразная и живописная; все тут, так сказать, говорит, все красочно и полно характера.

В последние, темные дни перед Рождеством выпал глубокий снег, и пейзаж стал напоминать средневековые картины Брейгеля Мужицкого и многих других художников, так убедительно умевших передать своеобразный эффект красного и зеленого, черного и белого. То, что видишь здесь, ежеминутно наводит на мысль о работах Тейса Мариса или, скажем, Альбрехта Дюрера. Тут встречаются лощины, заросшие колючим кустарником и старыми искривленными деревьями с причудливо изогнутыми корнями; эти лощины выглядят точь-в-точь как дорога на гравюре Дюрера «Рыцарь и смерть».

В эти дни было любопытно наблюдать, например, рабочих, возвращающихся из шахты по белому снегу в вечерних сумерках. Люди эти, когда они снова поднимаются из недр земли на дневной свет, до такой степени черны, что похожи на трубочистов. Домики у них по большей части крошеч-

ные – в сущности, здесь скорее подошло бы слово хижины, – и разбросаны они по лощинам, в лесу и на склонах холмов. Там и сям виднеются замшелые крыши, а по вечерам сквозь мелкий переплет окошечек приветливо сияет свет. Сады, поля и пашни, которые у нас в Брабанте окружены дубовым лесом или подлеском, а в Голландии – подстриженными ивами, обнесены здесь живыми изгородями, черными и колючими. Теперь, на снежном фоне, это производит впечатление шрифта на белой бумаге, выглядит как страница Евангелия.

Я уже несколько раз читал здесь проповеди – иногда в довольно большом, специально приспособленном для религиозных собраний помещении, иногда на беседах, которые тут принято устраивать по вечерам в жилищах рабочих; вернее было бы назвать эти беседы библейскими чтениями. Помимо всего прочего, я изложил притчу о горчичном семени, рассказал о бесплодной смоковнице и слепорожденном, а на Рождество, разумеется, – о яслях вифлеемских и «мире на земле».

Если бы с божьего соизволения я прочно осел здесь, я радовался бы этому от всего сердца.

Вокруг повсюду высятся огромные трубы и горы угля у входа в шахты. Ты видел большой рисунок Босбоома «Шофонтен»? Он хорошо передает характер здешнего пейзажа, только тут – сплошь угольные шахты, в то время как на севере Эно добывают камень, а в Шофонтене – руду.

Недавно я совершил очень интересную экскурсию – целых шесть часов провел в шахте. И притом в одной из самых старых и опасных шахт этого округа. Называется она «Маркасс» и пользуется дурной славой, потому что там погибло много народу – кто при спуске, кто при подъеме, кто от удушья, кто при взрыве рудничного газа, кто при подъеме подпочвенных вод или при обвале старых штолен, и т. д. Место это – мрачное; на первый взгляд во всей округе есть что-то жуткое и мертвенное.

Здесьние рабочие большей частью люди истощенные и бледные – их постоянно гложет лихорадка; лица у них изнуренные, измученные, обветренные и преждевременно состарившиеся; женщины, как правило, выглядят поблекшими и увядшими. Шахта окружена жалким поселком с несколькими мертвыми, до черноты закопченными деревьями и колючими живыми изгородями; повсюду кучи навоза и шлака, горы пустой породы и т. д. Марис создал бы из этого великолепную картину.

Как-нибудь позднее я попробую сделать набросок, чтобы дать тебе представление обо всем этом.

У меня был хороший проводник, приветливый и терпеливый; он проработал в шахте уже тридцать три года и старался все объяснить поподробнее и попонятнее. В этот раз мы спустились с ним вниз на глубину в семьсот метров и заглянули в самые сокровенные уголки этого подземного мира.

Забои (места, где работают углекопы), наиболее удаленные от ствола, называются здесь «des caches» – тайниками. Шахта имеет пять горизонтов; три верхние уже истощены и заброшены – работы там больше не ведутся, потому что весь уголь выбран. Если бы кто-нибудь попытался изобразить эти забои на холсте, это было бы чем-то новым, неслыханным или, вернее сказать, невиданным.

Представь себе забои – ряд камер в довольно узком и длинном штреке, укрепленном толстыми деревянными стойками. В каждой такой камере при слабом свете маленькой лампочки рубит уголь шахтер в грубом брезентовом костюме, грязный и черный, как трубочист.

В некоторых забоях он может стоять в рост,

в других лежит на земле

Все это более или менее напоминает ячейки в улье, или темные мрачные коридоры подземной тюрьмы, или шеренгу небольших ткацких станков, или, еще вернее, ряд хлебных печей, какие мы видим у крестьян, или, наконец, ниши в склепе.

Сами штреки похожи на большие дымовые трубы в домах брабантских крестьян. В некоторых отовсюду просачивается вода, и свет шахтерских лампочек, отражаясь как в сталактитовой пещере, производит странный эффект. Часть углекопов работает в забоях, другие грузят добытый уголь в

небольшие вагонетки, которые катятся по рельсам, как конка, — этим заняты преимущественно дети, как мальчики, так и девочки. Есть там, на глубине семисот метров под землей, и конюшня — штук семь старых кляч, которые таскают вагонетки и отвозят уголь на так называемый рудничный двор, откуда его поднимают на поверхность. Другие рабочие заняты восстановлением старых штолен, креплением или проходкой новых. Как моряк на суше тоскует по морю, несмотря на все угрожающие ему там опасности, так и шахтер предпочитает находиться не на земле, а под землей.

Поселки в этих краях выглядят заброшенными, безмолвными, вымершими, потому что жизнь протекает под землей, а не наверху; здесь можно провести целые годы, но пока ты не побывал внизу, в шахте, у тебя еще нет верного представления об истинном положении вещей.

Углекопы крайне необразованны и невежественны, в большинстве случаев просто неграмотны; но вместе с тем они сообразительны и ловки на своей тяжелой работе, отважны и откровенны по характеру; они малы ростом, но широкоплечи, глаза у них грустные и широко расставленные. Работают они поразительно много, и руки у них золотые. Они отличаются очень нервной, — я не хочу этим сказать — слабой, — организацией и очень восприимчивы. Им свойственны инстинктивное недоверие и застарелая, глубокая ненависть к каждому, кто пробует смотреть на них свысока.

С шахтерами надо быть шахтером и держаться по-шах-

терски, не позволяя себе никакого чванства, зазнайства и заносчивости, иначе с ними не уживешься и доверия у них не завоюешь.

Рассказывал ли я тебе в свое время об одном углекопе, получившем тяжелые ожоги при взрыве газа? Слава богу, он поправляется, начал выходить и уже совершает для упражнения довольно длинные прогулки. Правда, руки у него еще слабы, и он не скоро сможет вновь работать ими, но все-таки он выжил. Однако с тех пор здесь были еще случаи тифа и злокачественной, по-местному «дурной», лихорадки: во время приступов ее люди видят жуткие, похожие на кошмары сны и бредят. Таким образом, здесь опять много слабых, прикованных к постели людей: нищие и бессильные, лежат они и чахнут. В одном доме лихорадка свалила всех, помощи им почти никто, вернее, совсем никто не оказывает, так что за больными вынуждены присматривать больные. «Здесь больные выхаживают больных, – сказала мне хозяйка. – Оно и не удивительно: бедняк бедняку друг».

Видел ли ты за последнее время что-нибудь хорошее? С нетерпением жду от тебя письма.

Много ли сделали за последнее время Израэльс, Марис и Мауве? Несколько дней тому назад здесь, в стойле, родился жеребенок, славное маленькое существо, которое вскоре уже твердо стояло на ногах.

Здесьние рабочие держат много коз: в каждом доме видишь козлят, а также кроликов.

130. Вам, июнь 1879

Несколько дней назад у нас часов в 11 вечера была ужасная гроза. Неподалеку отсюда есть место, с которого внизу открывается почти весь Бороинаж: трубы, отвалы породы, крошечные лачуги углекопов и муравейник маленьких, черных, целый день копошащихся фигурок; дальше – темные сосновые леса и белеющие на фоне их домики рабочих; со всем вдалеке – колоколенки и старая мельница. В большинстве случаев надо всем этим висит нечто вроде пелены тумана, а проплывающие мимо облака создают причудливый эффект света и тени, который напоминает картины Рембрандта, Мишеля или Рейсдаля.

Во время этой грозы, когда вспышки молнии на мгновение озаряли непроглядно черную ночь, эффект получался изумительный. Находящиеся в двух шагах отсюда строения шахты «Маркасс», которые одиноко возвышаются на пустынном поле, казались в эту ночь настоящим Ноевым ковчегом: его махина во тьме потопа, под проливным дождем, наверно, выглядела так же, как эта шахта.

Находясь под впечатлением грозы, я сегодня вечером, во время чтения Библии, сделал описание кораблекрушения.

Я усиленно читаю «Хижину дяди Тома». Как много еще рабства на свете! И в этой поразительной, чудесной книге этот насущный вопрос рассматривается с такой мудростью, любовью и пылкой заботой о подлинном благоденствии

несчастных и угнетенных, что к роману невольно возвращаешься и каждый раз находишь в нем нечто новое.

Я не знаю лучшего определения для слова искусство, чем «L'art c'est l'homme ajouté à la nature»²⁷. Природа – это реальность, истина, но в том значении, в том понимании, в том характере, которые раскрывает в ней художник и которые он дает – qu'il dégage²⁸, вылушивает, освещает.

Картина Мауве, Мариса или Израэльса говорит больше и яснее, чем сама природа. То же самое с книгами. В «Хижине дяди Тома», в частности, все вещи поданы художником в новом свете; таким образом, в этом романе, хотя он уже начинает стареть, ибо написан много лет назад, все вещи стали новыми. Книга так тонко продумана и прочувствована, так мастерски сделана! Она написана с такой любовью, серьезностью, правдивостью! Она так скромна, проста и в то же время так поистине возвышенна, благородна и утонченна!

131. Кем, 5 августа 1879

Я часто сижу иногда до поздней ночи и рисую, чтобы удержать воспоминания и подкрепить мысли, невольно возникающие у меня при взгляде на вещи.

132. 15 октября 1879

Ну, а теперь шутки в сторону. Я искренне убежден, что

---

²⁷ «Искусство – это человек плюс природа» (франц.).

²⁸ Которые он высвобождает (франц.).

для наших отношений было бы лучше, если бы обе стороны были более откровенны. Если бы я всерьез убедился, что я ни на что не годен, что я неприятен или в тягость тебе или тем, кто остался дома, если бы я постоянно чувствовал себя лишним или навязчивым по отношению к тебе, так что для меня лучше было бы вообще не существовать, если бы я должен был думать о том, как убраться с вашего пути, если бы я считал, что это действительно так, а не иначе, – тогда меня охватила бы тоска и мне пришлось бы бороться с отчаянием.

Мне тягостна эта мысль, но еще тяжелее было бы думать, что из-за меня происходит столько несогласий, раздоров и неприятностей и между нами и дома.

Будь это на самом деле так, я бы предпочел, чтобы мне не было суждено зажитья на этом свете. Но когда меня по временам слишком сильно и долго гнетет такая мысль, у меня одновременно с ней возникает и другая – а может быть, все это лишь долгий страшный сон; может быть, со временем мы научимся видеть и понимать лучше? Разве, в конце концов, это не правда? Почему знать, быть может, все пойдет не хуже, а лучше? Многим, без сомнения, надежда на перемену к лучшему показалась бы теперь глупой и суеверной. Да, зимой иногда бывает так холодно, что люди говорят: мороз слишком жесток, так что мне до того, вернется лето или нет; зло сильнее добра. Но с нашего соизволения или без оно, морозы рано или поздно прекращаются, в одно прекрасное утро ветер меняется и наступает оттепель. Сравнивая такое

явление природы, как погода, с нашим расположением духа и нашими обстоятельствами, которые столь же непостоянны и переменчивы, как она, я поддерживаю в себе надежду, что все может измениться к лучшему.

133. Июль 1880

Берусь за перо не очень охотно, так как давно уже тебе не писал, и по многим причинам.

Ты стал для меня в известной мере чужим, равно как и я для тебя, причем, может быть, еще больше, чем ты думаешь; нам, вероятно, лучше не продолжать переписку. Возможно, я не написал бы тебе даже теперь, если бы не был обязан, вынужден написать, если бы ты, да, ты сам не вынудил меня к этому.

Я узнал в Эттене, что ты послал мне пятьдесят франков. Ну, что ж, я принял их — конечно, нехотя, конечно, с довольно горьким чувством, но я — в тупике, все у меня перепуталось, и другого выхода нет...

Я, как тебе, наверно, известно, возвратился в Бори́наж. Отец уговаривал меня остаться где-нибудь по соседству с Эттеном, но я сказал «нет» и думаю, что поступил правильно. Невольно я стал для семьи личностью более или менее подозрительной, человеком, на которого нельзя положиться; так как же я могу после этого быть хоть в чем-то кому-нибудь полезен?

Поэтому я склонен полагать, что полезнее всего, что са-

мый лучший выход и самое разумное для меня решение — уехать и держаться на приличном расстоянии, словно меня и не существует...

Я — человек одержимый, способный и обреченный на более или менее безрассудные поступки, в которых мне приходится потом более или менее горько раскаиваться. Мне часто случается говорить или действовать чересчур поспешно там, где следовало бы набраться терпения и выждать. Думаю, впрочем, что другие также не застрахованы от подобных оплошностей.

Но раз это так, что же делать? Следует ли мне считать себя человеком опасным и ни на что не способным? Не думаю. Надо просто попробовать любыми средствами извлечь из своих страстей пользу. Назову, например, одну из них — у меня почти непреодолимая тяга к книгам, и я испытываю постоянную потребность заниматься своим образованием, учиться, если хотите, подобно тому как я испытываю потребность в пище. Ты в состоянии это понять. Находясь в другом окружении, в окружении картин и произведений искусства, я, как ты хорошо знаешь, воспылал к ним неистовой, доходящей до иступления любовью. Не раскаиваюсь в этом и сейчас. Вдали от родины я тоскую по ней именно потому, что она — страна картин.

Как ты, может быть, помнишь, я хорошо знал (а возможно, знаю и сейчас), что такое Рембрандт, что такое Милле, Жюль Дюпре, Делакруа, Миллес или М. Марис. Пусть у ме-

ня теперь больше нет этого окружения, однако существует нечто, называемое душой, и, говорят, она никогда не умирает, вечно живет и вечно ищет, вечно, вечно и еще раз вечно. Так вот, я не стал чахнуть с тоски по родине, а сказал себе: «Родина, отечество – повсюду». Я не впал в отчаяние, а избрал своим уделом деятельную печаль, поскольку имел возможность действовать; иными словами, я предпочел печаль, которая надеется, стремится, ищет, печали мрачной, косной и безысходной. Я более или менее основательно изучил книги, которые были в моем распоряжении – например, Библию и «Французскую революцию» Мишле; затем, прошлой зимой, Шекспира, кое-что из В. Гюго и Диккенса, Бичер-Стоу; и совсем недавно – Эсхила и некоторых других менее классических авторов, мастеров великих, но «малых». Ты ведь хорошо знаешь, кого причисляют к таким вот «малым» мастерам. Фабрициуса и Вида!

Однако тот, кто поглощен всем этим, иногда неприятно действует на других, считается shocking²⁹ и, сам того не желая, в той или иной степени грешит против известных социальных форм, обычаев и условностей.

А право, жаль, что это иногда истолковывается в дурную сторону! Тебе, например, отлично известно, что я часто бываю одет небрежно; я признаю это и признаю, что это shocking. Но пойми, что виноваты в этом безденежье и нужда, а также глубокая подавленность; впрочем, небрежность

---

²⁹ Шокирующим (англ.).

костюма иногда очень полезна – она помогает уединиться, а это необходимо, если ты хочешь сколько-нибудь серьезно заняться тем, что тебя увлекает.

Крайне необходимо, например, учиться медицине. Вряд ли найдется человек, который не стремился бы хоть немножко познакомиться с ней или, на худой конец, хоть узнать, что она такое; а вот я еще совсем ничего о ней не знаю. Но все это поглощает тебя, занимает и дает тебе возможность мечтать, размышлять, думать. Вот уже скоро пять лет – точную цифру назвать не сумею, – как я живу без места и скитаюсь где попало. Ты скажешь: «Начиная с такого-то времени ты опустился, погас, ты ничего не сделал». Верно ли это? Да, правда, иногда я сам зарабатывал себе на хлеб, иногда мне его из милости давали друзья; верно, я жил, как мог, с грехом пополам, как придется; верно, я утратил доверие многих; верно, мои денежные дела очень плачевны, а будущее не менее мрачно; верно, я мог бы проявить себя с лучшей стороны; верно, именно для того, чтобы заработать на хлеб, я потерял много времени; верно, даже дела с учением находятся у меня в довольно печальном и безнадежном состоянии; верно, мне недостает больше, неизмеримо больше того, что я имею. Но разве все это значит, что я опустился, что я ничего не делаю?

Ты, может быть, спросишь: «А почему ты не пошел тем путем, которым тебя вели – путем университетского образования?» Отвечу одно – это стоит слишком дорого, и, кстати,

такая будущность не лучше того настоящего, к которому я пришел, следуя своим собственным путем. Но на этом пути я должен двигаться вперед. Если я не буду ничего делать, не буду учиться, не буду искать, — я погиб и горе мне!

Вот как я смотрю на вещи. Вперед, вперед — это главное.

«Но какова же твоя конечная цель?» — спросишь ты. Цель эта определится со временем, вырисуется медленно, но верно: ведь набросок становится эскизом, а эскиз картиной лишь по мере того, как начинаешь работать более серьезно, углубляя и уточняя свою вначале смутную первоначальную мысль, неясную и мимолетную.

Знай, что со служителями Евангелия дело обстоит точно так же, как с художниками. И здесь есть своя устарелая академическая школа, и здесь она часто омерзительно деспотична; одним словом, и здесь царят безнадежность и уныние, и здесь есть люди, прикрывшиеся, как броней или панцирем, предрассудками и условностями, люди, которые, возглавляя дело, распоряжаются всеми местами и пускают в ход целую сеть интриг, чтобы поддержать своих ставленников и отстранить обыкновенного человека.

Их бог, подобно богу шекспировского пьяницы Фальстафа, это «изнанка церкви», «the inside of a church». Эти воистину евангелические субъекты по удивительному совпадению обстоятельств (вероятно, они и сами удивились бы ему, будь они способны на человеческие чувства) занимают по отношению к явлениям духовным ту же позицию, что и выше-

названный пьяница; поэтому нечего надеяться, что их слепота сменится когда-нибудь ясновидением.

Такое положение вещей имеет свою дурную сторону для того, кто не согласен со всем этим и от всей души, от всего сердца, со всем возмущением, на которое он способен, протестует против этого. Что до меня, то я уважаю лишь академиков, которые непохожи на таких; но академики, достойные уважения, встречаются гораздо реже, чем может показаться на первый взгляд. Одна из причин, почему я сейчас без места, почему я годами был без него, заключается просто-напросто в том, что у меня другие взгляды, нежели у этих господ, которые предоставляют места тем, кто думает так же, как они. Дело тут не просто в моей одежде, за которую меня так часто лицемерно упрекали; уверяю тебя, вопрос гораздо более серьезен.

Зачем я пишу тебе обо всем этом? Не затем, чтобы жаловаться или оправдываться в том, в чем я, вероятно, более или менее виноват, а просто для того, чтобы сказать тебе следующее. Когда прошлым летом во время твоего приезда мы с тобой гуляли у заброшенной шахты «Колдунья», ты напомнил мне, что было время, когда мы так же гуляли вдвоем у старого канала и рейсвейкской мельницы. «И тогда, – сказал ты, – мы на многое смотрели одинаково; но, – добавил ты, – с тех пор ты уже переменялся, ты уже не тот».

Так вот, это не совсем так: изменилась лишь моя жизнь – тогда она была менее трудной и будущее не казалось мне та-

ким мрачным; что же касается моей внутренней сущности, моей манеры видеть и мыслить, то они остались прежними; единственная перемена, если перемены действительно произошли, состоит в том, что теперь я размышляю, верю и люблю глубже, чем размышлял, верил и любил раньше.

Будет, однако, неверно, если ты на этом основании решишь, что теперь я, например, менее восторженно отношусь к Рембрандту, Милле, Делакруа или к кому бы то ни было. Как раз наоборот! Только, видишь ли, есть много вещей, в которые надо верить и которые надо любить: в Шекспире есть нечто от Рембрандта, в Мишле – от Корреджо, в Викторе Гюго – от Делакруа, а в Евангелии – нечто от Рембрандта или в Рембрандте от Евангелия, как тебе больше нравится – это одно и то же при условии, что имеющий уши не пытается исказить смысл того, что слышит, и делает поправку на масштаб сравнения, которое не имеет целью принизить заслуги сравниваемых лиц. В Бэньяне есть нечто от Мариса или Милле, а в Бичер-Стоу – от Ари Шеффера.

Итак, если уж ты можешь извинить человека, поглощенного картинами, согласишься, что любовь к книгам так же священна, как любовь к Рембрандту; я даже думаю, что они дополняют друг друга.

Я очень люблю мужской портрет Фабрициуса, который мы однажды, также прогуливаясь вдвоем, долго рассматривали в Гарлемском музее. Так вот, я не меньше люблю и Ричарда Картона из книги Диккенса о Париже и Лондоне 1793 г.;

я мог бы назвать тебе и другие удивительно захватывающие образы из других книг, в той или иной мере отличающихся поразительным сходством между собой. И я думаю, что Кент в «Короле Лире» Шекспира – не менее благородный и примечательный персонаж, чем любая фигура Томаса де Кейзера, хотя предполагается, что Кент и король Лир жили много раньше. Но не будем вдаваться в подробности. Господи, как прекрасен Шекспир! Кто еще так исполнен тайны, как он? Его слово и манера его письма не уступают кисти, дрожащей от лихорадочного волнения. Однако читать нужно учиться, как нужно учиться видеть и жить.

Итак, не думай, что я что-нибудь отвергаю – при всем моем неверии я в своем роде верующий; я остался прежним, хоть изменился, и меня терзает одно: на что я был бы годен, если бы не мог чему-нибудь служить и приносить какую-то пользу; как мог бы я тогда постигать явления и углублять свои знания о них? Мысль об этом мучит меня постоянно; к тому же я чувствую, что зажат в тисках нужды и лишен возможности принять участие в той или иной работе, поскольку многое самое необходимое для меня недостижимо. По этим причинам невольно поддаешься печали, чувствуешь пустоту там, где могли быть дружба, высокие и серьезные привязанности, испытываешь страшное отчаяние, которое сводит на нет всю твою нравственную силу. Тебе кажется, что судьба ставит неодолимую преграду твоему инстинктивному стремлению любить и тебя охватывает отвращение ко всему. И вот

тогда говоришь себе: «Доколе же, господи!» Что поделаешь! То, что происходит внутри, поневоле прорывается наружу. Человек несет в душе своей яркое пламя, но никто не хочет погреться около него; прохожие замечают лишь дымок, уходящий через трубу, и проходят своей дорогой.

Так что же делать? Таить это пламя в душе, терпеливо и в то же время с таким нетерпением ожидать того часа, когда кто-нибудь придет и сядет около твоего огня? Но захочет ли пришелец остаться? Пусть тот, кто верит в бога, ожидает этого часа, который рано или поздно наступит... Пишу тебе, не перечитывая, все, что приходит на ум. Я был бы очень рад, если бы ты хоть в чем-то увидел во мне не только бездельника.

Видишь ли, бывают просто бездельники и бездельники, являющиеся противоположностью первым.

Бывают бездельники по лени и слабости характера, по низости натуры; если хочешь, можешь считать меня одним из них.

Есть и другие бездельники, бездельники поневоле, которые сгорают от жажды действовать, но ничего не делают, потому что лишены возможности действовать, потому что они как бы заключены в тюрьму, потому что у них нет того, без чего нельзя трудиться плодотворно, потому что их довело до этого роковое стечение обстоятельств; такие люди не всегда знают, на что они способны, но инстинктивно испытывают такое чувство: «И я кое на что годен, и я имею право на су-

ществование! Я знаю, что могу быть совсем другим человеком! Какую же пользу могу я принести, чему же могу я служить? Во мне есть нечто, но что?»

Это совсем другой род бездельников – если хочешь, можешь считать меня и таким.

Птица в клетке отлично понимает весной, что происходит нечто такое, для чего она нужна; она отлично чувствует, что надо что-то делать, но не может этого сделать и не представляет себе, что же именно надо делать. Сначала ей ничего не удастся вспомнить, затем у нее рождаются какие-то смутные представления, она говорит себе: «Другие выют гнезда, зачинают птенцов и высиживают яйца», и вот уже она бьется головой о прутья клетки. Но клетка не поддается, а птица сходит с ума от боли...

Что же все это такое – выдумки, фантазия? Едва ли. И тогда спрашиваешь себя: «Доколе же, господи? Неужели надолго, навсегда, навеки?»

А знаешь ли ты, что может разрушить тюрьму? Любая глубокая и серьезная привязанность. Дружба, братство, любовь – вот верховная сила, вот могущественные чары, открывающие дверь темницы. Тот, кто этого лишен, мертв. Там же, где есть привязанность, возрождается жизнь.

134. Кем, 20 августа 1880

Я сделал набросок, изображающий шахтеров-откатчиков и откатчиц, когда они на рассвете идут в шахту по заснежен-

ной тропинке вдоль живой изгороди: неясные тени, скользжащие в полутьме. На заднем плане, на фоне неба, огромные контуры надшахтных строений и подъемника.

Посылаю тебе набросок, чтобы ты представлял себе все это, но я понимаю, как мне необходимо учиться рисовать фигуры у таких мастеров, как Милле, Бретон, Брион или Бутон и др. Что ты скажешь о наброске? Нравится ли тебе идея?

Если мне не изменяет память, одна из фотографий Бингема с работ Ж. Бретона изображает собирательниц колосьев. Темные силуэты на фоне неба и красного заката. Вот такие вещи мне нужно иметь перед глазами. По-моему, тебе будет приятно узнать, что я не бездельничаю, а делаю что-то стоящее; вот почему я и пишу тебе об этом; к тому же это, может быть, явится поводом к восстановлению нашей былой сердечности и взаимной привязанности, и мы вновь станем полезны друг другу. Мне очень бы хотелось выполнить упомянутый рисунок лучше, чем я это сделал. На моем рисунке в его теперешнем виде высота фигур примерно 10 см. Парный к нему рисунок изображает шахтеров, расходящихся после работы, но выполнен он менее удачно; сделать его было очень трудно: тут пришлось столкнуться с эффектом темных силуэтов, окруженных светом на фоне полосатого закатного неба.

Вышли мне обратно со следующей почтой «Полевые работы», если, конечно, не возражаешь. Я написал несколько

слов господину Терстеху и осведомился, нельзя ли мне получить на время «Упражнения углем» Барга – этюды обнаженной модели, с которыми ты знаком.

Не знаю, согласится ли он, я хочу сказать – придет он мне их или нет, но не замолвишь ли ты за меня словечко в случае отказа? Эти «Упражнения углем» были бы мне исключительно полезны. Быть может, он будет настолько любезен и вышлет мне если уж не весь курс целиком, то хотя бы несколько листов.

135. Кем, 7 сентября 1880

Я тебе уже говорил, что сделал наброски с десяти листов «Полевых работ» Милле (примерно в тех же размерах, что и лист «Курса рисунка» Барга), а один из них уже совсем закончил.

Я сделал бы и больше, если бы не принялся сначала за «Упражнения углем» Барга, которые так любезно одолжил мне господин Терстех, сейчас я уже закончил шестьдесят листов из них.

Кроме того, я нарисовал «Вечернюю молитву» по офорту, который ты прислал.

Я бы очень хотел иметь возможность показать тебе все это и выслушать твое мнение; то же относится и к нескольким другим рисункам, например к большому рисунку сепией с «Хлебной печи в Ландах» Т. Руссо. Я два раза сделал с нее маленькие акварели, прежде чем рисунок мне удался.

Как я уже писал, мне очень хочется сделать еще «Куст» Рейсдаля – ты ведь знаешь, что оба эти пейзажа – в одном стиле и настроении. Я долго делал наброски, не слишком продвигаясь вперед, но за последнее время дело, как мне кажется, пошло успешно; надеюсь, оно пойдет еще лучше и главным образом потому, что вы с господином Терстехом помогли мне хорошими образцами: думаю, что для начала гораздо полезнее копировать какие-нибудь хорошие вещи, чем работать без такой основы. И все-таки я не удержался и сделал в довольно большом размере тот рисунок, который изображает шахтеров, идущих на работу, и набросок которого я послал тебе; я только немного изменил расположение фигур.

Очень надеюсь, что, скопировав две остальные серии Барга, я уже смогу более или менее сносно нарисовать какого-нибудь шахтера или откатчицу, если мне удастся найти достаточно характерную модель, а таких здесь хватает.

Литографию Босбоома «В хлеву» я нахожу прекрасной. Ты хорошо понял мою мысль, раз добавил к своей коллекции «Малярию» Гебера.

Если книга с офортами по Мишелю еще у тебя, одолжи мне *при случае* и ее, хотя это не к спеху – сейчас у меня хватает работы; но мне очень нужно снова увидеть эти пейзажи, потому что теперь я смотрю на вещи другими глазами, чем во времена, когда еще не рисовал.

136. Кем, 24 сентября 1880

То, что ты пишешь насчет Барбизона, – очень верно, и я скажу несколько слов, которые докажут тебе, что у меня та же точка зрения. Я не бывал в Барбизоне, но это неважно – зато прошлой зимой я посетил Курьер. Я предпринял путешествие пешком, главным образом в Па-де-Кале – не к самому проливу, а по департаменту или провинции того же названия. Я пустился в дорогу, надеясь, если будет возможно, найти там какую-нибудь работу – я бы согласился на любую. В общем предпринял это путешествие совершенно невольно: я и сам не мог бы сказать – зачем. Но я сказал себе: «Ты должен посмотреть Курьер». В кармане у меня было только десять франков, а так как для начала я сел в поезд, то вскоре исчерпал свои ресурсы, и всю неделю, что я провел в дороге, мне приходилось туго.

И все-таки я видел Курьер и мастерскую Жюля Бретона, хоть и не зашел в нее. Внешний вид этой мастерской меня немного разочаровал: это совершенно новое кирпичное здание, по-методистски правильное, негостеприимное, холодное и неприятное. Склонен думать и даже уверен, что, побывай я внутри мастерской, я не придал бы значения ее внешнему виду, но что поделаешь – мне не удалось заглянуть в нее.

Я не решился назвать себя, чтобы получить туда доступ. Я искал в Курьере следы Жюля Бретона или каких-нибудь других художников, но обнаружил лишь его портрет у одно-

го фотографа и еще, в темном углу старой церкви, копию с «Положения во гроб» Тициана, которая в сумраке показала мне очень красивой и мастерской по тону. Подлинная ли это работа Бретона? Не знаю – подписи я не нашел.

Следов ныне здравствующих художников – никаких; там есть только кафе под названием «Кафе искусств», тоже новенькое, кирпичное, неуютное, холодное и неприятное. Это кафе украшено чем-то вроде фресок или стенной росписи, изображающей эпизоды из жизни достопочтенного рыцаря Дон Кихота. Фрески, между нами говоря, оказались довольно слабым утешением: они весьма посредственны. Чьей они работы – не знаю.

И все же я видел ландшафт Курьера – стога, коричневая пашня или мергельная земля почти кофейного цвета с беловатыми пятнами там, где выступает мергель, что для нас, привыкших к черноватой почве, более или менее необычно.

Французское небо показалось мне значительно нежнее и прозрачнее, чем закопченное и туманное небо Боринажа. Кроме того, я видел фермы и сараи, еще сохранившие – хвала и благодарение господу! – свои замшелые соломенные крыши; видел я также стаи ворон, ставшие знаменитыми после картин Добиньи и Милле. Впрочем, раньше всего следовало бы упомянуть характерные и живописные фигуры различных рабочих – землекопов, дровосеков, батраков на телегах и силуэт женщины в белом чепце. Даже там, в Курьере, есть угольные разработки, иначе говоря, шахта. Я видел, как

в вечерних сумерках поднималась на поверхность дневная смена, но там не было работниц в мужских костюмах, как в Боринаже, – одни лишь шахтеры с усталыми и несчастными лицами, черные от угольной пыли, в изорванной рабочей одежде, один даже в старой солдатской шинели.

Хотя это путешествие совсем доконало меня – я вернулся падая от усталости, со стертymi в кровь ногами и в довольно плачевном состоянии, – я ни о чем не жалею, потому что видел много интересного; к тому же в суровых испытаниях нищеты учишься смотреть на вещи совсем иными глазами. По дороге я кое-где зарабатывал кусок хлеба, выменивая его на рисунки, которые были у меня в дорожном мешке. Но когда мои десять франков иссякли, мне пришлось провести последние ночи под открытым небом: один раз – в брошенной телеге, к утру совсем побелевшей от инея, – довольно скверное убежище; другой раз – на куче хвороста; и в третий раз – это уже было немножко лучше – в початом стогу сена, где мне удалось устроить себе несколько более комфортабельное убежище, хотя мелкий дождь не слишком способствовал хорошему самочувствию.

И все-таки именно в этой крайней нищете я почувствовал, как возвращается ко мне бывшая энергия, и сказал себе: «Что бы ни было, я еще поднимусь, я опять возьмусь за карандаш, который бросил в минуту глубокого отчаяния, и снова начну рисовать!» С тех пор, как мне кажется, все у меня изменилось: я вновь на верном пути, мой карандаш уже стал

немножко послушнее и с каждым днем становится все более и более послушным.

А раньше слишком долгая и слишком беспросветная нужда до такой степени угнетала меня, что я был не в состоянии что-нибудь делать.

Во время этого путешествия я видел и другое – поселки ткачей.

Шахтеры и ткачи – это совсем особая порода людей, отличная от других рабочих и ремесленников; я чувствую к ним большую симпатию и сочту себя счастливым, если когда-нибудь сумею так нарисовать эти еще неизвестные или почти неизвестные типы, чтобы все познакомились с ними.

Шахтер – это человек из пропасти, «*de profundis*»³⁰, ткач, напротив, мечтателен, задумчив, похож чуть ли не на лунатика. Вот уже почти два года я живу среди них и в какой-то мере научился понимать их своеобразный характер, по крайней мере характер шахтера. И с каждым днем я нахожу все более трогательными, даже потрясающими, этих бедных, безвестных тружеников, этих, так сказать, последних и презреннейших из всех, кого слишком живое, но предвзятое воображение ошибочно рисует в виде племени злодеев и разбойников. Злодеи, пьяницы и разбойники есть и меж ними, как, впрочем, везде, но это совсем не характерно для них.

В своем письме ты туманно пишешь о том, что рано или

---

³⁰ «Из бездны» (лат.).

поздно мне надо будет переехать в Париж или его окрестности, если это будет возможно и если я того захочу. Конечно, перебраться в Париж или в Барбизон или еще куда-нибудь – мое заветное и горячее желание. Но как это сделать? Я ведь не зарабатываю ни су, и, хотя упорно тружусь, мне еще потребуется немало времени, прежде чем я дойду до такого уровня, который позволяет думать о вещах, подобных переезду в Париж. В самом деле, чтобы работать как следует, надо иметь самое малое сто франков в месяц; можно, конечно, прожить и на меньшую сумму, но тогда попадешь в очень стесненные, чересчур стесненные обстоятельства. «Бедность мешает таланту пробиться» – в этом старом изречении Палицци всегда есть доля правды; для того же, кто понимает истинный смысл и значение этих слов, они вообще бесспорны.

Пока что я не вижу, как осуществить переезд, и мне лучше остаться здесь и работать, сколько есть и будет сил; к тому же тут и жизнь дешевле. И все-таки мне долго не выдержать в маленькой комнатухе, которую я занимаю сейчас. Она и так слишком тесна, а в ней еще стоят две кровати – детей и моя. Не могу тебе передать, как я мучаюсь теперь, когда делаю листы из Барга – они довольно большого размера. Я не хочу стеснять людей – у них хозяйство, а насчет второй комнаты, имеющейся в доме, они мне уже сказали, что я ее не получу, даже если буду платить больше, так как она нужна хозяйке для стирки, а стирка в доме шахтера происходит

почти каждый день.

Короче говоря, я бы хотел снять маленький домик рабочего, стоять это будет в среднем девять франков в месяц.

Не могу тебе передать – хотя каждый день передо мной встают и будут вставать новые трудности, – не могу тебе передать, каким счастливым я чувствую себя с тех пор, как снова занялся рисованием. Оно давно уже привлекало меня, но я всегда считал рисование чем-то невозможным и недостижимым для меня. Теперь же, полностью сознавая и свою слабость, и свою мучительную зависимость от многих вещей, я тем не менее вновь обрел душевное спокойствие, и прежняя энергия с каждым днем возвращается ко мне.

Что касается переезда в Париж, то дело обстоит так: если бы мне представился случай завязать отношения с каким-нибудь честным и стоящим художником, это было бы крайне полезно для меня; но ехать просто так, наудачу, было бы лишь повторением в большем масштабе моего путешествия в Курьер, где я тоже надеялся встретить кого-нибудь из породы художников, но никого не нашел.

Для меня речь идет о том, чтобы научиться хорошо рисовать, стать хозяином своего карандаша, угля, кисти. Достигнув этого, я буду делать хорошие вещи, а где – неважно: Бороинаж не менее живописен, чем старая Венеция, Аравия, Бретань, Нормандия, Пикардия или Бри.

Если же я буду работать плохо – моя вина. Но, разумеется, в Барбизоне, если только мне посчастливится, я скорее, чем

в любом другом месте, найду случай сойтись с каким-нибудь более опытным, нежели я, художником, который был бы для меня – в полном смысле слова и без всяких преувеличений – ангелом небесным.

Брюссель. Октябрь 1880 – апрель 1881

Окончательно решив стать художником, Винсент отправляется в Брюссель в надежде найти там учителя. Зимой 1880/81 г. он работает вместе с молодым голландским художником Антоном ван Раппардом, с которым познакомился по рекомендации Тео.

137. Брюссель, 15 октября 1880

Как видишь, я пишу тебе из Брюсселя: я счел за благо переменить на время местожительство. И по многим причинам.

Во-первых, это было настоятельно необходимо, поскольку крохотная комнатуха, в которой я жил и которую ты видел в прошлом году, настолько тесна и так плохо освещена, что рисовать там совершенно невозможно...

Я отправился в Брюссель к господину Шмидту и переговорил с ним о переезде, вернее, спросил у него, нельзя ли мне при его посредстве связаться с кем-то из художников, чтобы я мог продолжать учиться в какой-нибудь серьезной мастерской. Я чувствую, что мне совершенно необходимо иметь перед глазами хорошие вещи, а также наблюдать, как работают художники. Это даст мне возможность понять, чего мне недостает, и в то же время покажет, каким путем я

могу восполнить пробелы.

Уже давно я почти не видел хороших картин, рисунков и пр., и даже беглый взгляд на них здесь, в Брюсселе, улучшил, так сказать, мое моральное состояние и удвоил во мне стремление научиться делать что-то собственными руками...

Но цель моя, по крайней мере в данное время, – по возможности быстро научиться делать приличные, годные для продажи рисунки, с тем, чтобы сразу же начать кое-что зарабатывать: мне это совершенно необходимо...

Став хозяином своего карандаша, акварели, офорта, я смогу вернуться в край шахтеров и ткачей, чтобы поработать над натурой основательнее, чем до сих пор. Но сначала надо овладеть мастерством. Покамест заканчиваю и надеюсь, ты сочтешь правильным то, о чем я тебе писал.

138. Брюссель, 1 ноября

Бульвар дю Миди, 72

Если бы я нашел постоянную работу – *tant mieux*³¹, но я не смею рассчитывать на это – предварительно мне еще многому надо научиться...

Был я также у господина ван Раппарда. Он живет сейчас на улице Травестьер, 6-а. Мы поговорили. Он человек довольно приятный. Из работ его я видел только несколько маленьких пейзажей, сделанных пером. Живет он, однако, богато, и я не знаю, тот ли он человек в денежном отношении,

---

³¹ Тем лучше (франц.).

с которым бы я мог вместе жить и работать. В любом случае зайду к нему еще раз. У меня такое впечатление, что к жизни он относится вполне серьезно.

Мой мальчик, останься я в Кеме еще хоть на месяц, я заболел бы от постоянной нужды. Поверь, я не роскошествую и здесь: пища моя состоит в основном из черствого хлеба и картофеля или каштанов, которые продаются тут на каждом углу; впрочем, если комната у меня будет чуточку лучше и если я время от времени смогу себе позволять обед в ресторанчике, я вполне выдержу. Однако в течение почти двух лет, проведенных в Бороинаже, мне приходилось очень туго – это действительно была далеко не увеселительная поездка. Расходы мои здесь составят немножко больше шестидесяти франков, но тут уж ничего не поделаешь. Материалы для рисования, образцы для копирования, например по анатомии, – все это стоит денег, но все это необходимо, иначе я никогда не окуплю теперешние расходы и ничего не добьюсь.

140. Брюссель, январь 1881

Почти каждый день у меня новая модель – старый носильщик, или какой-нибудь рабочий, или мальчишка, которого я уговорил позировать. В следующее воскресенье ко мне, может быть, придут позировать один или два солдата. Настроение у меня сейчас сильно поднялось, поэтому я совсем другому и в гораздо лучшем свете представляю себе и тебя, и людей вообще. Нарисовал я также еще один пейзаж – ве-

ресковую пустошь, чего уже давно не делал.

Я очень люблю пейзажи, но еще в десять раз больше – те потрясающе правдивые жанровые этюды, которые так мастерски рисовали Гаварни, Анри Монье, Домье, де Лемюд, Генри Пиль, Т. Шулер, Эд. Морен, Г. Доре (например, в своем «Лондоне»), А. Лансон, де Гру, Фелисьен Ропс и др.

Я вовсе не рассчитываю подняться так же высоко, как они, но все-таки надеюсь, что, продолжая рисовать рабочих и т. д., смогу когда-нибудь иллюстрировать журналы или книги. Главное – иметь возможность нанимать побольше натурщиков, в том числе и женщин; тогда я двинусь вперед еще успешнее – я это чувствую и знаю.

Вероятно, таким путем я научусь делать и портреты, но, конечно, при условии, что буду работать напряженно – «ни одного дня без линии», как сказал Гаварни.

142. Брюссель, 2 апреля 1881

Я узнал от отца, что ты, без моего ведома, в течение долгого времени посылал мне деньги и тем самым сильно помог мне перебиться. Прими мою самую сердечную благодарность. Я твердо уверен, что ты в этом не раскаешься: таким путем я выучусь ремеслу и, хотя, конечно, не разбогатею от него, но, во всяком случае, крепко став на ноги как рисовальщик и регулярно получая заказы, заработаю свои сто франков в месяц – минимум, без которого не прожить...

Дешевле всего мне было бы, пожалуй, провести лето в Эт-

тене — там есть что рисовать. Если ты одобряешь мое решение, можешь написать об этом отцу; я готов пойти нашим на- встречу в вопросе об одежде и прочем — не исключено ведь, что летом я снова встречу там с К. М.

Насколько мне известно, серьезных возражений против моего приезда нет. В семейном же кругу и вне его обо мне всегда будут судить и рядить по-разному, и ты всегда будешь слышать самые противоречивые отзывы обо мне.

И я никого за это не виню, потому что сравнительно мало кто знает, почему художник поступает так или иначе. Каждого, кто ищет живописные места или типы, кто суется в разные дыры и закоулки, мимо которых другие проходят равнодушно, крестьяне и обыватели всегда подозревают в дурных намерениях и всяческих мерзостях, хотя они, конечно, и в голову-то ему не приходили.

Крестьянин, который видит, как я битый час сижу перед старым деревом и рисую его ствол, считает, что я рехнулся и, разумеется, смеется надо мной. Молодая дама, которая воротит нос от рабочего и его залатанной, засаленной, грязной одежды, не может, разумеется, понять, зачем кто-то едет в Боринаж или Хейст и спускается в забои шахты; она тоже приходит к выводу, что я сумасшедший. Но мне, конечно, безразлично, что обо мне думают, если только ты, и господин Терстех, и К. М., и отец, и другие, с кем я имею дело, не поверят в мое сумасшествие и, воздержавшись от ненужных упреков, скажут: «Этого требует твоя работа, и мы понима-

ем, почему ты поступаешь так, а не иначе».

Итак, повторяю, при сложившихся обстоятельствах у меня нет серьезных причин не поехать в Эттен или Гаагу, даже если меня будут осуждать некоторые хлыщи и дамочки.

Эттен. Апрель 1881 – декабрь 1881

Лето и осень 1881 г. Винсент проводит в родительском доме в Эттене, продолжая усиленно заниматься рисунком. Но новая несчастная любовь Винсента – на этот раз к его кузине, молодой вдове Кее Фос, – надолго выбивает его из колеи. После ссоры с отцом, который пытался его образумить, пребывание в Эттене становится невозможным, и в конце декабря 1881 г. Винсент уезжает в Гаагу. За время пребывания в Эттене было создано около 50 рисунков (портрет отца, наброски фигуры сеятеля, жанровые сцены, пейзажи). Здесь же в конце года Винсент впервые пробует писать маслом («Натюрморт с кружкой пива», декабрь 1881 г.).

144^[5]. Эттен, 1 мая 1881

Вот уже несколько дней как я здесь. На улице хорошо, но погода еще не каждый день позволяет писать на воздухе...

Я очень рад, что все уладилось и я смогу спокойно поработать здесь некоторое время; надеюсь сделать как можно больше этюдов: они – семена, из которых потом вырастают картины.

Пиши мне иногда и, если можешь, сообщай обо всем, что произвело на тебя впечатление; а если тебе доведется услышать, что где-нибудь есть место рисовальщика, не забудь обо

Было бы неправильно, если бы, рисуя с натуры, я уделял слишком много внимания мелочам и не замечал главного. А это слишком часто случалось со мной в моих последних рисунках. Поэтому я решил снова изучать метод Барга (он работает крупными линиями и массами и простым тонко прорисованным контуром). Пока что я временно перестал рисовать на воздухе, когда же вскоре вернусь к этому, я буду видеть вещи лучше, чем раньше...

Как мне хочется, чтобы все люди обладали тем, что постепенно начинаю приобретать я, – способностью быстро и без труда прочесть книгу и сохранить о ней яркое впечатление! Читая книги, равно как смотря картины, нельзя ни сомневаться, ни колебаться: надо быть уверенным в себе и находить прекрасным то, что прекрасно.

Занимаюсь тем, что постепенно привожу в порядок свои книги; я всегда слишком много читал, для того чтобы теперь перестать систематически работать и не заботиться о том, чтобы получать известное представление о современной литературе.

Иногда я ужасно жалею, что так мало знаю в области истории, особенно современной. Но не стоит предаваться сожалениям и опускать руки – так далеко не уйдешь; важно одно – пробиваться, идти вперед.

150. Эттен, сентябрь 1881

Хотя я писал тебе совсем недавно, у меня опять есть что сказать тебе.

А именно: в моем рисунке – как в технике, так и в результатах – произошли изменения; кроме того, под влиянием разговора с Мауве я вновь начал работать с живой модели. К счастью, я сумел убедить здесь нескольких человек позировать мне, например Пита Кауфмана, рабочего. Тщательно изучая «Упражнения углем» Барга, снова и снова копируя их, я лучше уразумел, как надо рисовать фигуру. Я научился измерять, видеть и искать основные линии. То, что раньше казалось мне невысказанным, теперь, слава богу, постепенно становится возможным.

Я пять раз нарисовал крестьянина с лопатой, короче говоря – un bêcheur³², в различных положениях; два раза – сеятеля и два раза – девушку с метлой. Затем – женщину в белом чепце, которая чистит картофель, пастуха, опирающегося на посох, и, наконец, старого больного крестьянина, сидящего на стуле перед очагом: он опустил голову на руки, а локтями уперся в колени. Разумеется, я на этом не останавлиюсь – когда первые овцы перешли мост, за ними следует вся отара. Я должен рисовать непрерывно – землекопов, пахарей, сеятелей, мужчин, женщин. Я должен наблюдать и рисовать все, что относится к сельской жизни, как делали и делают

---

³² Землекопа (франц.).

многие. Теперь не то, что раньше – я больше не беспомощен перед натурой.

152

Натура всегда начинается с того, что сопротивляется художнику, но тот, кто берется за дело всерьез, не даст этому сопротивлению сбить его с пути; напротив, оно лишь побуждает его бороться за победу; в сущности, природа и настоящий художник едины. Природа, конечно, *intangible*³³, однако нужно уметь взяться за нее, и взяться твердой рукой. А когда с ней вот так поспоришь и поборешься, она обязательно становится послушней и покладистой. Не скажу, что я уже добился этого – нет человека более далекого от такой мысли, чем я, – но дело все же начинает идти лучше. Борьба с натурой иногда напоминает мне то, что Шекспир называет «*Taming of the Shrew*»³⁴ (то есть преодолевать сопротивление настойчивостью, *bongré et malgré*³⁵). Во многих вопросах, в рисовании – особенно, я считаю, что «*serrer de près vaut mieux que lâcher*»³⁶.

Чем дальше, тем больше я чувствую, что рисовать фигуры – дело хорошее, что косвенно оно благотворно влияет и на работу над пейзажем. Если рисуешь иву так, словно она –

---

³³ Неприкосновенна (*франц.*).

³⁴ «Укрощением строптивой» (*англ.*).

³⁵ Волей-неволей (*франц.*).

³⁶ Лучше пережать, чем недожать (*франц.*).

живое существо, — а в конце концов так оно и есть, — все окружение получается само собой; нужно только сосредоточить все внимание на этом дереве и не отступать, пока оно не начнет жить.

153. Эттен, 3 сентября 1881

У меня на душе есть кое-что, о чем я должен тебе рассказать, хотя ты, возможно, уже все знаешь и для тебя это не новость. Хочу сообщить тебе, что этим летом я очень сильно полюбил К. Когда я ей сказал об этом, она ответила, что для нее прошлое и будущее едины и что она никогда не сможет ответить на мое чувство.

Я был в нерешительности и не знал, что делать — примириться с ее «нет, нет, никогда» или, не считая вопрос ни исчерпанным, ни решенным, собраться с духом и не отступать? Я выбрал последнее и до сих пор не раскаиваюсь в своем решении, хотя все еще наталкиваюсь на это «нет, нет, никогда».

Конечно, с тех пор я претерпел много «*petites misères de la vie humaine*»³⁷, которые, если их описать в книге, вероятно, позабавили бы кое-кого, но которые едва ли могут быть названы приятными переживаниями, когда их приходится испытывать самому.

Как бы то ни было, я и сейчас рад, что верность принципу

---

³⁷ «Маленьких горестей жизни человеческой» (*франц.*).

«how not to do it»³⁸ я оставил тем, кому он нравится, а сам сохранил некоторое мужество.

Одна из причин, по каким я не писал тебе об этом раньше, состоит в том, что положение мое было слишком неопределенным и неустойчивым, чтобы разговаривать о таких вещах...

Покамест я много работаю: с тех пор как я встретил К., моя работа идет куда лучше...

Возможно, до тебя дойдут слухи, будто я добиваюсь своего силой и т. п. Но ведь каждому ясно, что прибегать в любви к силе – идиотизм. Нет, я очень, очень далек от таких намерений. Но согласись, добиваться, чтобы мы с К. могли видиться, разговаривать, обмениваться письмами, познакомиться поближе и, таким образом, *лучше* понять, подходим ли мы друг к другу, – желание вполне разумное и законное.

Год непринужденного общения друг с другом был бы благодетелен и для нее и для меня, но старики на этот счет в полном смысле слова уперлись...

Если ты когда-нибудь полюбишь, а тебе ответят «нет, нет, никогда», ни за что не смирайся! Но ты такой счастливчик, что с тобой этого, надеюсь, никогда не случится.

154, Эттен, 7 сентября 1881

Я не удивлюсь, Тео, если мое последнее письмо произвело на тебя несколько странное впечатление. Но, надеюсь, оно

---

³⁸ «Ничего не поделать» (англ.).

помогло тебе до некоторой степени уяснить создавшееся положение. Я пытался наметить соотношения и планы длинными, крупными штрихами: сперва намечают основные линии, а потом смахивают уголь носовым платком или крылышком и начинают искать уже частные контуры.

Таким образом, сегодняшнее письмо будет написано в более интимном, менее резком и угловатом тоне, чем предыдущее.

Во-первых, хочу спросить, не кажется ли тебе в какой-то мере удивительным, что существует любовь достаточно серьезная и страстная, чтобы не остыть даже от многих «нет, нет, никогда»?

Я твердо уверен, что такая любовь не возбуждает в тебе удивления, а, напротив, представляется тебе вполне естественной и разумной.

Ведь любовь – это нечто такое положительное, такое сильное, такое настоящее, что для того, кто любит, отказаться от этого чувства – все равно что наложить на себя руки. Если ты возразишь: «Но есть же люди, которые накладывают на себя руки», я отвечу только: «Право, не думаю, что я – человек с подобными наклонностями».

Жизнь стала мне очень дорога, и я счастлив, что люблю. Моя жизнь и моя любовь – одно целое. «Но ведь ты стоишь перед «нет, нет, никогда», – напомнишь мне ты. На это я отвечу: «old boy»³⁹, сейчас я смотрю на это «нет, нет, никогда»,

---

³⁹ Старина (англ.).

как на кусок льда, который прижимаю к своей груди, чтобы его растопить...

Очень печально, конечно, что столь многие возражают против моей любви, но я-то сам не собираюсь печалиться по этому поводу и терять из-за этого душевную бодрость. Как раз наоборот. Пусть печалится кто угодно, – с меня довольно! Я хочу одного – радоваться, как жаворонок весной, хочу петь одну песню: «Aimer encore!»⁴⁰...

Верно, она уже любила другого, живет воспоминаниями о прошлом и, видимо, испытывает угрызения совести при одной мысли о новой любви. Но ведь ты же знаешь поговорку: «Il faut avoir aimé, puis désaimé, puis aimer encore»⁴¹...

Я видел, что она всегда погружена в прошлое и самоотверженно хоронит себя в нем. И я подумал: «Я уважаю ее чувство, но все же считаю, что в нем есть нечто болезненное. Поэтому оно не должно расслаблять меня; я обязан быть решителен и тверд, как стальной клинок. Я попытаюсь пробудить в ней “нечто новое”, что не займет место старого, но завоюет право на свое собственное место»... Ты скажешь: «На что же ты будешь жить, если добьешься ее?» – или, еще вероятнее: «Ты ее не добьешься...» Впрочем, нет, ты так не скажешь. Отвечу: тот, кто любит, – живет; кто живет – работает; кто работает – имеет хлеб.

Словом, я спокоен, уверен, и это оказывает влияние на

---

⁴⁰ Снова любить (*франц.*).

⁴¹ Надо любить, разлюбить, затем полюбить снова (*франц.*).

мою работу, которая, чем дальше, тем больше увлекает меня именно потому, что я знаю – я добьюсь успеха. Конечно, ничего необыкновенного из меня не получится, но «обыкновенного» я добьюсь, а под «обыкновенным» я подразумеваю, что моя работа будет здоровой и разумной, что я буду иметь право на существование и приносить какую-то пользу. Я нахожу, что ничто не дает нам такого ощущения реальности, как подлинная любовь. А разве тот, кто полностью сознает реальность жизни, стоит на дурном пути? Думаю, что нет. Но с чем могу я сравнить это удивительное чувство, это удивительное открытие – «любовь»? Ведь полюбить всерьез – это все равно что открыть новую часть света.

158. Пятница, 18 ноября 1881

Как ты уже знаешь, отец и мать, с одной стороны, и я – с другой, не можем прийти к соглашению по поводу того, что делать и чего не делать в отношении известного тебе «нет, нет, никогда»...

Когда постоянно слышишь: «Ты сумасшедший», или «Тырываешь семейные узы», или «Ты не деликатен», тебе, если ты не лишен сердца, поневоле приходится протестовать со всей энергией. Конечно, я тоже наговорил отцу и матери кое-что, например, что они сильно ошибаются насчет этой любовной истории, что сердца их ожесточились, что им полностью чужд более мягкий и человечный образ мышления, а их собственный кажется мне ограниченным, нетерпимым

и недостаточно великодушным; и еще – что Бог был бы для меня пустым звуком, если бы человек был вынужден скрывать свою любовь и не имел права следовать голосу сердца.

Охотно верю, что, постоянно слыша, как я «неделикатен» и как я «разрываю узы», я иногда не умел обуздать свое возмущение, но как тут останешься спокойным, если этому нет конца? *Quoi qu'il en soit*⁴², па в приступе гнева пробормотал ни больше ни меньше как проклятие. Однако я еще в прошлом году уже слышал нечто в этом роде и – благодарение богу! – не погиб, а, напротив, начал новую жизнь и обрел новую энергию. Поэтому я твердо убежден, что и теперь останусь таким же самым, что в прошлом году, только стану еще крепче и сильнее.

159. Пятница, вечер

Пишу тебе, сидя в маленькой комнате, которая служит мне теперь мастерской, так как в другой комнате чересчур сыро. Оглядываясь вокруг, я вижу стены, сплошь увешанные этюдами исключительно на одну тему – типы брабантцев.

Итак, я начал работу, и если меня внезапно вырвут из этого окружения, мне придется приниматься за какую-нибудь другую, а эта останется наполовину незаконченной. Нет, так не должно быть! Я работаю здесь с мая, начинаю вникать в мои модели и постигать их, и дело движется, хотя это стоило мне огромных усилий.

---

⁴² Как бы то ни было (*франц.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Отель Друо – помещение, где происходили крупные художественные аукционы в Париже.

2.

Дюран-Рюэль – художественная фирма в Париже, прославившаяся продажей произведений импрессионистов.

3.

Light of the world («Светоч мира», 1854 г.) – картина английского художника-прерафаэлиты Холмена Ханта, изображающая Христа.

4.

Имеется в виду не французская конституция 1791 г. и не якобинская конституция 1793 г., а Декларация прав человека и гражданина, принятая Учредительным собранием 1789 г. и вошедшая в качестве введения в обе названные конституции.

5.

Хронология писем Винсента Ван Гога, который сам очень редко их датировал, до сих пор окончательно не определена. В юбилейном издании 1952–1954 гг., которое легло в основу настоящего русского перевода, письма расположены

в последовательности, установленной еще в свое время Иоганной Ван Гог-Бонгер. Идя по свежим следам и используя для датировки письма Тео к Винсенту и к ней самой, она в основном весьма успешно справилась с задачей первичной обработки и введения в научный обиход эпистолярного наследия художника. Но вполне естественно, что пытливый, критический взгляд ученого заметил в ее работе ряд существенных недостатков. Так появилось на свет заслуживающее самого серьезного внимания исследование Яна Хюлскера, опубликованное им в голландском литературном еженедельнике *Maatstaf* (т. VI, 1958/59, стр. 401–423; т. VII, 1959/60, стр. 77–98; т. VIII, 1960/61, стр. 315–335 и 639–664).